

РУССКОЕ ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

ЕГОР ЛЕТОВ ЯНКА ДЯГИЛЕВА КОНСТАНТИН РЯБИНОВ

- [Егор Летов, Янка Дягилева, Кузя Рябинов](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕГОР ЛЕТОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯНКА](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КУЗЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

**Егор Летов, Янка Дягилева,
Кузя Рябинов
Русское поле экспериментов**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЕГОР ЛЕТОВ

Подхватило ураганом
Как заброшенный листок
Как обрушенный песок
Через лужи, через крыши
Сквозь угольные дома
Сквозь балконы и афиши
Всё на север всё на север
Где гудит голодный месяц
в меховом вечернем небе
над застенчивой долиной
над горячими снегами
Где вздымаются рогами
Силуэты и сугробы
Где угрюмо
В малахитовых шкатулках
Папиросы и другие табачные изделия.
1.01.84

* * *

Небо цвета мяса
Когда ты споткнулся
О мертвую мышь.
26.09.84

* * *

Засиделся за костром
Не заметил
Поздно ночью

Загорелся сам
Сгорели брови, ресницы, очки
Сгорели волосы
Сгорели губы, язык
Сгорела прозрачная грудь
Сгорели ступни
Лишь руки тихо горят в бархатной темноте
Блики на клёнах
Пальцы вспыхивают синим пламенем
Выступает масло весело сгорает
И так до рассвета.
31.12.83

* * *

В тишине
Плотно прижавшись лицом к ночному окну.
Я, затаив дыхание,
Ловлю шорохи слов,
Сказанных днем, которые
Медленно оседают, кружась и покачиваясь,
На теплую землю.
12.08.83

* * *

Дни настали
Деревья настали
Как будто за ними
Скрывается всё что угодно
Кому бы то ни было
Во что бы то ни стало
Вечером тени обильны и гулки

Солнечный свет словно в зеркале тянется вдоль и
налево

Запах далекой воды
И шагов по скрипящей зубами листве
Во всем проявляется склонность
К терпеливому прозябанию
И пятнистым столбам на холме
Птицы терзают гнезда
Люди исходят шепотом
Интонации вопросительны и молчаливы
Карманы полны разноцветных бумажек
От кислых конфет
И нелепых стихов.
19.09.85

* * *

Если бы был я чуть чуть поконкретней
Я бы сурово и громко нагадил
На ваши мясные трагедии
Телефонные бесполезности
Горбоносые обречённости
На задорные раздражённости
И седые беспечности
Мне бы быть лишь чуть чуть поконкретней
Только вы всё равно не поверите
Только вы всё равно прикарманите
Вокруг ёлочки будете пьяненьки
И кидать в меня будете веником
Так что я лучше лягу посплю
И увижу во сне -
дождик идёт.
20.09.85

* * *

Я смотрю в окно
За окном темно
В желудке плавает чай
В поле растет молочай
С новым годом вас, дорогие товарищи.
25.08.86

ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ АВТОБУСОМ

В луже кровавого оптимизма
Валяется ощущение человека в телогрейке.
Весело и великодушно
Разбегаются в разные стороны
Где пальцы, погоны, карманы...
Ветер поднялся.
Стемнело.
28.10.85

* * *

У вас лица, как гороховый суп
У вас жизни, как промасленная бумага
У вас мечты, как выстиранные пододеяльники
У вас мир как противогаз.
6.05.86

* * *

Я совсем не похож
А ты похож

И ты похож
И она похожа — она спит она теплая
И он похож — у него лицо железяка
И они все похожи — кровь так и брызжет
А я совсем не похож.
15.05.86

* * *

Солнце садится — красное как холодильник
На куске деревянного дома сидит одетая девушка
У девушки харя такая и волосы желтые крашенные
И ноги она раздвинула в обе стороны
Но она не выпимши — только кажется что выпимши
а по правде не выпимши
И смотрит она в одно место
А кругом люди ходят обнимают друг друга и песни
поют
К коммунизму идут
И солнце садится, распространяя запах полезных
витаминов
а девушка в позе сидит
и в одно место смотрит.
15.05.86

* * *

Я устал от тишины
Тишина свинцовой кастрюлей нависла над нами
От нее в жопе щекотно и суетливо
От нее умирают свирепые ёжики
Бейте в черный барабан
Мозгами полейте обои на стенах
Ротовым отверстием издавайте

протяжные звуки поезда который устал от ржавого
здравомыслия рельсов.

ПОЕЗД С МОСТА ПИЗДЫК!

28.05.86

* * *

Я кота держу и гляжу
как мы с ним отражаемся в зеркале -
правильно отражаемся
заебись.

О, мой кот
нас обоих поймали
в полиэтиленовый мешок.

2.07.86

СМЕРТЬ В КАЗАРМЕ

Сапоги стучали в лицо
Виски лопнули пузыри
Нога выломилась углом
Ребра треснули как грибы
Он — в центре круга
В центре лужи вытекшего сока.
Наконец что-то с шипом взорвалось
В середине тщедушного тела.
...по красному полю
рассветному полю
по пояс в траве
она побежала
она побежала
побежала — побежала — побежала...
июль 84

* * *

Схватил бы себя за лицо
Костлявыми птичьими когтями-пальцами
Рванул бы сорвал бы с себя
Бросил бы раздавил растоптал.
5.10.83

* * *

Сидя на самом краешке
Над коричневой рекой
Я взор обратил
На громоздкое небо
И что-то такое собрался подумать
Как вдруг поруке
Муравей пробежал.
21.07.84

* * *

В сумасшедшем доме
Художнику
Приснилось
Что кровавые туши убитых зверей
На мясокомбинате
Превратились в огромные сочные
Апельсины гранаты лимоны
И вот они
На крюках
Легонько покачиваются
Тихонько звенят.
25.12.85

* * *

Ангел устал
Он сидит на табуретке
Ест колбасу
И смотрит как медленно падает снег.
Ангел устал.
26.12.85

* * *

В автобусе или троллейбусе
Ехал простой человек
Он был совсем обыкновенный
В поношенной телогрейке
В поношенных валенках
В поношенном сером лице
Он держал полиэтиленовый или целлофановый
Пакет с печеньем пряниками
И, скорее всего, апельсинами
Я был в данном случае
Контролером автобуса или троллейбуса
А может быть, и кондуктором
И я спросил его: Куда вы едете?
— На край земли — ответил он.
Я сказал ему: Вот ваш билет, куда вы едете?
Он спокойно ответил:
— На край земли
— На край земли.
11.01.86

* * *

Входишь в теплое помещение
с мороза -
запотевают очки.
Пьешь из лохани -
в воде
видишь свое лицо.
Останавливаешься, замираешь,
вздрагиваешь -
травы зеленого цвета.
Вдыхаешь
и выдыхаешь.
25.09.83

* * *

Олег сказал
Что я — Христос
С пластинками под мышкой.
Поставлю-ка я пластинку.
Послушаю-ка я её!
10.11.85

* * *

Однажды иду вдоль реки
Слышу — ребёнок истошно кричит
Смотрю — никого
Вдруг слышу — ребёнок истошно кричит
Смотрю — вокруг никого.
Смотрю — это дерево на ветру скрипит
Это оказывается дерево так скрипит
Значит — это здесь.
26.11.85

* * *

На незащитной дороге
Мёрзлая кровь
Тает
Из ноздри моей левой
Капает
Засохшая дорога
Из левой моей незащитной ноздри
Замерзает
Кровью тревожной
Безымянной.
23.12.86

* * *

Когда я усну под спокойным деревом
Когда я усну мудро и далеко
Раскинув мозги и перышки
Не надо меня шевелить
Мокрыми красными руками
Даже если ваши руки
Не мокрые и не красные -
Все равно
Не надо меня шевелить.
1.07.85

* * *

Словно после тяжелой и долгой болезни
Я вышел под серым уютным дождем
Прохожие лепят меня как хотят -
Так же как раньше —

Я в мятой и потной пижаме
Но уже без претензий на белый полет.
Скоро придет
Осень.
16.07.85

* * *

А рыжую кошку смотрело в подвал
Должно быть должно быть
Ей виделась там земноводные вещи
И рыжая кошка тянула в подвал
А я все звенел и звенел телефоном
Какая досада — нога затекла
Протерся рукав прохудился на локте
И чай — такой жидкий.
31.10.85

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

И белый песок, поджаренный ласковым солнцем
И распятые птицы кружатся в моей слепоте
И каждый столбик, обоссанный дикими и
домашними псами
И окровавленные деревья, сваленные в кучу после
расстрела
И парад раненых красноармейцев с костылями и
бинтами наперевес
И обезумевшие бетонные дома под упрямым
московским небом
И наш первобытный мистический страх перед ночью
И раздавленный танком сверчок, шевелящий
оторванной ножкой
И мягкие теплые трупы котят на обеденном блюде

И гордые песни лунной совы
И скрип сухих листьев под ногами, не понятый до
поры до времени
И условные обозначения того чего нет и того чего
нет
И брачные игры надёжно укрытые стеклянными
стенами
И очки без стекол чтоб лучше видеть чужие очки без
стекол
И все это рухнет на нас так много
Что кишки и мозги разлетятся как мухи
И это случается каждый год.
6.09.84

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

Когда все листья разом упали с деревьев, и от удара
с земли поднялся густой дымный запах — я стал
вдыхать и вдыхать и вдыхать не останавливаясь ни на
секунду — пока легкие не взорвались с красным звуком.
Чуть не опоздал.
3.10.84

МИМИКРИЯ

В белом лесу
Никто
Никого
Не нашел
14.12.84

* * *

Мы идём по засохшей траве
Под ласковым солнцем по жёлтому полю
Автоматы на шее скрипят.
Экое ровное поле -
лишь трупы валяются там и сям.
Сначала я думал, что это колодцы
Потом я подумал, что это — могилы
А теперь я считаю, что это простые
трупы валяются там и сям.
4.04.85

КРОВАВОЕ ЛЕТО

Пойдем в Детский
Купим плюшевого медведя
Будем с ним играть.
20.06.85

* * *

Кто это летит
Не касаясь морозными пятками
Каленой землицы
Над сыпучими песками
Над измученной листвой
Над зажмуренными окнами
Над заснеженными крышами
И лицо у него самодельное
Из бумаги и мерзлой воды
Звери воют от ужаса
Падают замертво
Он летит сквозь деревни поселки леса города
Кто же это и куда?
13.06.85

АМНЕЗИЯ

Когда я плясал
Под тяжким квадратным дождем
Под цветущим весенним деревом
Маска знобящего восторга
Бесполезная маска серого остервенения
Где же лицо?
И мои рваные тапочки
Топали в грязные слюни тупой безнадёжности
Моей бездорожности
Под цветущим весенним деревом
Иногда я смотрел на него
И дрожал по ночам.
12.06.85

* * *

Однажды утром
В Вавилоне
Пошёл густой снег.
21.08.85

* * *

Речи замедляются
Слова повторяются
Интонации не меняются
Фразы замыкаются
И всё сначала —
Игра в самолётики
Под кроватью
12.07.84

ПОГОНЯ

С некоторых пор
Чувствую их его за мной оно
Дышит в череп — дрожит позвоночник
Вот вот оглянусь оглянусь
Вдруг как даст по хребтине
В траву падаю, закрывая руками
лицо
И смеется
Глядь — нет никого
Потихоньку встаёшь оглядываешься
пешком и снова они где-то под сердцем
Темно темно
Кулаком о стену а
замрешь
Пусто
Чуть отпустит
и снова
на тонкой нити тошноты у горла
17.03.84

ВОРОНЫ

Выкатив глаза
Согнувшись от страха
Дыша тяжело
Перекошенным ртом
Придавленный сумраком
Я бежал по шоссе
Позади
Растянувшись осенней цепочкой
Меня преследовало
14

Черных
Птиц.
4.09.84

ПРОСТУДИЛСЯ

Под надежным одеялом
Я жаркий распухший
Послушный как зевота
Валяюсь под снегом где-то в метро...
Прохожие будят меня
Говорят, что мол снег на меня
И вообще мол распухший
Медленно удаляются
А снег действительно валится
Прямо на раскаленные бронхи
А внутри меня
Персики персики
Золотисто катаются катятся
И белая занавеска
Плещется на ветру.
18.02.86

* * *

Заброшенная ж-д
Заржавелый прогнивший завод
Карликовый городок на горизонте
Бродячие кучи деревьев живых по привычке
Разумеется, свалка
И серые сумерки.
Вот здесь-то меня и убили.
А потом не нашли.
19.02.86

* * *

Трамвай задавит его наверняка
в трамвае две женщины с крашеными
волосами расскажут о новых колготках о молочной
смеси детях которые рыгают мужьях которые
уходят и
возвращаются а руки
всё будут компостировать трамвайные или
троллейбусные
талончики будут давить и вынимать
двери раскроются выпустят
впустят
а в трамвайном стекле
отразится под острым углом
на долю секунды
только на долю секунды
его обезумевшее лицо.
20.04.86

ВЕРНУЛСЯ ИЗ АРМИИ

1.
Слепыми руками
Стучал по деревьям
Разорванной пастью
В небо стрелял
Вжимался в тугую землю
Изрыгл комья желчи
Зловонную кровь вперемешку с бензином...
...вдруг —
Тихий такой -
Два года
Так много тому назад.

2.
Покрытый щетиной
Усталый недвижимый
Глядел в одну точку
За пыльным окном
Простыни бились в судорогах
Мячик летал вазелиновый
Небо крутилось на пальце
На фоне окна он казался
Фанерной мишенью на поле -
Такой уж он был неподвижный
В кресле-каталке
Для инвалидов.

3.
Ходил среди разных
Таких же как он
Что-то делал
И даже говорил
Что-то такое
Иногда
Таким же как он
Проглаженным
Железным
Утюгом.

4.
Всю дорогу домой
Ему не сиделось
Чем-то в горле тошнило
Чем-то тёрлось в глазу
А дома
Вдруг как-то застыл -
Все на стуле сидел
Упорно соображал

Глядел на пластинки
Картинки на стенах...
Потом вздрогнул
И засмеялся.
5-6.06.84

* * *

Я не спал десять тысяч ночей
Мой желудок набит до отказа снежками
Окурками, пирожками, картофельной шелухой
Мне под веки насыпали сахар
Мне в виски понатыкали гвозди
И сердце мое словно тусклая пыльная лампочка
в коммунальном промозглом сортире
И губы мои словно опухоль
И глаза словно на фотографии
И весь я комок пластилина
брошенный в чей-то глубокий костер
Плавню рассасываюсь
Расплываюсь
В жадном настойчивом пламени
А надо мною лишь звёздное стылое небо
И чьи-то сосредоточенные
Внимательные
Лица.
май 86

КАКОЕ НЕБО

Гречневым чавканьем сильной личности
Словесного поноса рьяной кавалерией
Ты забейся в сочные ямочки
В мягкие дырочки

Пулями оставленные.
Ведь лучше стучать, чем перестукиваться.
Анонимная философия продавшихся заживо
За колоссальный бесценник
Заживо погребённых
В летнюю резину изношенных прокламаций
Обильно смоченных психоанализом.
Единым фронтом опочил всуе
Снулой рыбкой растроченной потенции
Ты, ведущий, бля, на новые подвиги!
Мёрзлой веточкой опьянения
Ковырни, ковырни в мыльном вареве
Невыносимого невинного прошлого.
В мыльном вареве хлеба съеденного.
А небо всё точно такое же
как если бы ты
не продался.
лето 87

* * *

Он, стиснув в зубы, смотрел мне вслед
Всё было словно на самом деле
Но приглядевшись он сразу понял
Что я не оставляю следов на свежем снегу.
Свои подумали, что я — чужой
Чужие заподозрили, что я ебанулся
И все они решили, что я опасен
Ведь я не оставляю следов на свежем снегу
А мёртвая мышь в кармане гниет
А мёртвая мышь гниет в кармане
И теперь никто никого не найдет
Ведь я не оставляю следов на свежем снегу
Меня давно бы уж зарыли в снег
Меня давно бы уж загнали в яму

Меня давно бы уж нашли по следу
Но я не оставляю следов на свежем снегу
Не оставляю снегов на снегу.

1986

КОГО-ТО ЕЩЁ

Ещё один стукач стоит за спиной
Мой день путан проволокой и зимой
На каждом говне отпечаток лица
На каждом лице ожиданье конца
Опухшая мякоть внутри нас гниет
Внутри плесневеет змеей пулемёт
Стаканы полны ядовитым дождём
Давай посмеемся давай подождем, ведь похоже что
это надолго
похоже что это повадка
похоже что это уловка
похоже что то нехватка
КОГО-ТО ЕЩЁ.

1986

* * *

Вчера
Когда я пытался заснуть
В одежду завернутый в одеяло
И тупо давился ночной тошнотой
Кот впился когтями в мои откровенные очи
И я ослепленный метался по стенам
И белой петлёю висела слюна.

4.12.84

* * *

Вспыхнуло в полночь кромешное солнышко
Дедушка умер — задохся во сне
Семья его стонет стоит вокруг него
И волосы рвет на себе и на нем
А дедушка мёртвый, былинный, лукавый
Лежит коромыслом, течёт восвояси
Обут в деревянные грозные валенки
Словно великий пещерный святой.
Стань бревном колос
Стань червем волос
Стань земля пухом
Стань, земляк, мясом.
Слышишь, любезный земляк,
Отныне
Песенки самому себе напевай.
1985

СКВОЗЬ ДЫРУ В МОЕЙ ГОЛОВЕ

Полные дома розовых людей
Мокрая мозоль, скользкая сопля
Потные подробности обнажённых тел
Я стреляю наповал
сквозь дыру в моей голове.
Твёрдые шаги, медленный пинцет
Вязкая слюна, лестница в подвал
Кто-то ищет верный повод запретить меня
Он пытается пролезть
сквозь дыру в моей голове.
Кто умеет в дрожь, кто умеет в кайф?
Кто умеет вдрызг, кто умеет вскачь
Кто умеет на свободу, кто умеет в плен?

Кто умеет наблюдать
сквозь дыру в моей голове?
1987

* * *

В кладбищенской конторе выпекали гроб
В общественной столовой пожирали хлеб
В трамвае пробивали проездной талон
В подъезде экономили электросвет
На стройку успевали завозить раствор
В больнице успевали принимать больных
Ну а после успевали покупать товар
Громыхая сапогами и цепями правоты
Один день Ивана Михайловича
Один день Ивана Гавриловича
Один день Ивана Ивановича
Один день Ивана Денисовича.
1987

ЛЕС

Стой и смотри, стой и молчи
Асфальтовый завод пожирает мой лес
Мое горло распёрло зондом газовых труб
Мои лёгкие трамбуют стопудовым катком
Стой и смотри, стой и молчи
Асфальтовый закон затыкает мне рот
Социальный мазут заливают мне глаза
Урбанический хохот в мой искусанный мозг.
Стой и молчи, стой и смотри
На распухшие норы промышленных труб
На раскалённый зевот рациональных вещей...
Асфальтовый завод пожирает мой лес.

1987

ОБИДЕЛСЯ

Я бы облако я бы дерево
Я бы рыба в болотной слякоти
Я бы ветер летел по ступенькам
Я бы мышка-норушка в снегу
Да только вот извинений я ваших не приму
Извините, никак не могу
Мои храбрые добрые мои друзья.
1987

* * *

От всей души желаем вам
Счастья, благополучия и глобальности
Глобальные лампочки
Глобальные девочки
Будьте вы бдительны
Будьте вы внимательны
Будьте вы счастливы
Будьте вы здоровы.
1987

СОН

Трижды удостоенный
отзывчивой дубиной по гранёной башке
Продолжал настойчиво
стучаться в ворота пока не задохнулся
От собственной дерзости
а птички застревали кусочками в горле

А в камере смертников
заключенным снился один и тот же сон.
1988

АРМАГЕДДОН—ПОПС

А злая собачка
Умерла восвояси
Безусловно являясь
Тринадцатым апостолом
А народ расходился
Укоризненно цокая
Справа — налево
Слева — наоборот
И никто не боялся
До дрожи до сумерек
Только злая собачка
И дырявая форточка
Черно-белая карточка
И финальная точка

Монетка упала третьей стороной
Армагеддон-попс

А хозяева жизни
Убежденные жители
По ночам помогали
Воровать друг у друга сон
О бумажных цветочках
И проколотых мячиках
Новогодних открытках
И прочем одиночестве
Монетка упала третьей стороной

Армагедон-Попс.

1988

НОВАЯ ПРАВДА

Возлюби свою похоть
Возлюби свою слабость
Возлюби свою подлость
Возлюби свою вонь
Возлюби свою зависть
Возлюби свою мерзость
Возлюби свою ничтожность
Возлюби свою мразь
Умирай от жажды
Умирай от страха
Умирай от силы
Умирай от себя
По мозгам и мозолям
По глухим антресолям
По утрам и вагонам
Неуклонно грядет
Новая правда
Новая вера.
Ян Палах
Сгорал в витрине
Истошная кукла
Нелюбимый сыночек
Напрасное детство отражённое в кафеле
Напрасное детство потаённое в кафеле
Кому не похуй?
Кому не насрать?
Кому не похуй?
Кому не насрать?
Жадного мяса панический хохот
Кромольной невинности достойный итог
Горящего мяса пожизненный хохот

Зарёванный холод — а на каждый итог
Свой повод
СВОЙ ПОВОД
И это новая правда
Новая правда
Так умирай от жажды
Умирай от страха
Умирай от силы
Умирай от себя.
1988

ЗАПЛАТА НА ЗАПЛАТЕ

Вырванная с корнем, вырванная с мясом
Пойманная рыба постригает воздух
Раздирая жабры, истекая слизью,
Потому что рыба, потому что надо.
Комариный писк
Лучезарный блеск
Гарантийный крест
Ритуальный плач
Непосильный грех
Терпеливый бог
Терпеливый я
Так и есть -
Заплата на заплате.
Сорванные глотки, стрелянные гильзы
Проданные деньги, грозные плакаты
Дранные колени, липкие кровати
Пойманная рыба постигает ветер.
Разгрызая пуповину животной инерции
Тело отдаёт молодое тепло
Объективная реальность да целует в лоб
Охувевших узников нечистой совести
Злорадных жертв инстинктивной лжи

Холостых посланников уёбищной воли
Тело
Отдает молодое тепло
Добровольное тело
Отпускает на волю черновые грехи
Потаённые страхи, изощрённые маты
Убедительные доводы, раззявые рты
Задавленной эротики сухие догматы
Политических позиций перезрелые финики...
И это повод
Это веский повод повторять: Вот так и живём,
Вот так и живём.
Вот так и живём.
1986

ЭНТРОПИЯ РАСТЕТ

Распалённая апатия
Грозная демократия
Роковое освинение
Наповал приговорённых
Изощрённые мутации
Широта дебилизации
Диктатура вырождения
Поздравляю с наступающим!
Да пожнётся то что сеется
В стылом воздухе шевелится
Красный смех оцепенения
Добровольных заключенных
Скоро звёзды башкою оземь
Будем жрать себя изнутри
Скоро звёзды башкою оземь
Будем жрать себя изнутри.
1988

ВСЁ КАК У ЛЮДЕЙ

Вот и всё что было —
Не было и нету.
Все слои размокли.
Все слова истлели.
Всё как у людей.
В стоптанных ботинках
Годы и окурки
В стиранных карманах
Паспорта и пальцы
Всё как у людей.
Резвые колеса
Прочные постройки
Новые декреты
Братские могилы
Всё как у людей.
Вот и всё что было —
Не было и нету.
Правильно и ясно.
Здорово и вечно.
Всё как у людей.
1988

НАСЕКОМЫЕ

Гололёд удавил мой смех
Автомат разжевал мой смех
Насекомые копят стыд
Насекомые копят зависть
Жалость скрипнула на зубах
Мясо вскрикнуло под ножом
Насекомые извиваются
Насекомые копошатся

Говно не тонет ни в огне ни в крови
Повсюду честные порядочные люди
Каждый родился ментом
Каждый родился ментом
Урокам мужества внимают телогрейки
Разверзшейся парашей улыбается борщ
Насекомое стерпит всё
Самоконтроль есть самоконтроль
Новый прекрасный мир
Новый прекрасный мир
Апофеоз
Апофеоз
Апофеоз
В трёх сосенках Блуждая, насмерть
Замерзли оба
Замерзли оба
Раба божьих — это я и ты
Вот оно как
Вот оно как
Во веки веков
Во веки веков
Во имя щеночка
И смятой бумажки
Заклинаю
Заклинаю
Усохшую речку
Усопшую птичку
Разинутый пламень
Убережь нас прочь
От злой натуги
От мясистых очей
Водянистый речей
От обильных музеев
Хмельных комментариев
От повальных пролетариев

И прочей жизни!
Гололёд удавил мой смех
Автомат удавил мой смех
Насекомые насекомые
Насекомые насекомые
Насекомые.
1988

ЗАГОВОР

По талым снегом шевелятся губы
Благих намерений и бурных планов
Потоком рвоты укрась свой ящик
Потоком рвоты укрась свой погреб
Разрой когтями тугую почву
Воздвигни яму — найди себе место
Накрой подушкой лицо соседа
Сдави его руками — возьми его отсюда
Изведай похоть мирской любовью
Заткни ей чрево сырой собакой
Под талым снегом снуют ладони
Под талым снегом шевелятся рты...
Стань таким, как стекло в воде
Стань таким, как глаза во тьме
Стань таким, как вкрадчивый шёпот.
Тело стремится к Праматери
ПОМОГИ ЕМУ уйти поглубже
Все мы растем вовнутрь земли
Пули сильнее великих умов
Ржавые гвозди сильнее пророков
Палые листья сильнее ветвей
Зашипи ядовитым гнездом
Клубись и чавкай свирепой вошью -
Пушечным мясом сочится луна
Стань таким, как стекло в воде

Стань таким, как глаза во тьме
Стань таким, как вкрадчивый шёпот!
Погибших от жажды утопите в воде
Погибших от голода заройте хлебом
Суета сует — всё суета...
Всё суета.
1988

САМООТВОД

Маяковский видел сон:
В смутном поле зреет рис
В хищной чаще зреет зверь
Тище едешь ярче спишь
Маяковский видел сон:
Шаг за шагом — наутек
Кто разбудит на заре
Кто поймает кто поймет
Маяковский жал курок,
Жег окурок, лил струю
Покатилось колесо
Вот и собран урожай
Под нейтральным небом.
1988

РУССКОЕ ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Трогательным ножичком пытаться свою плоть
Трогательным ножичком пытаться свою плоть
До крови прищемить добровольные пальцы
Отважно смакую леденцы на палочке
Целеустремленно набивать карманы
Мертвыми мышатами, живыми хуями
Шоколадными конфетами

И нерукотворными пиздюлями
На патриархальной свалке устаревших понятий
Использованных образов и вежливых слов
Покончив с собою, уничтожить весь мир
ПОКОНЧИТЬ С СОБОЮ — УНИЧТОЖИТЬ ВЕСЬ МИР!!

...вечность пахнет нефтью

...вечность пахнет нефтью

Словно иней, сердобольный смех

Словно иней, сердобольный смех

Словно иней, сердобольный смех

Славно валится на...

на...

на РУССКОЕ ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

География подлости

Орфография ненависти

Апология невежества

Мифология оптимизма

Законные гаубицы благонравия

Знатное пиршество благоразумия

Устами ребенка глаголет яма

Устами ребенка глаголет пуля

...вечность пахнет нефтью

...вечность пахнет нефтью

Мастерство быть излишним, подобно мне

Мастерство быть любимым, подобно петле

Мастерство быть глобальным; как печёное яблоко

Искусство вовремя уйти в сторонку

Искусство быть посторонним

Искусство быть посторонним

Новейшее средство для очистки духовок

От задохнувшихся по собственной воле

Новейшее средство для очистки верёвок

От скверного запах невымытых шей

Новейшее средство находить виновных

Новейшее средство находить виновных

РУССКОЕ ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

За открывшейся дверью — пустота
Это значит, что кто-то пришел за тобой
Это значит, что теперь ты кому-то понадобился
А снег всё идет, а снег всё идет
Русское поле источает снег
Иных хоронили в упаковке глазёнок
Иных хоронили в упаковке газет
А то, что на бойне умертвили бычка
На то всеобщая радость, всеобщая гордость
Всеобщая ненависть, всеобщая воля
Всеобщая воля да всеобщая старость
Набить до отказа собой могилу
Это значит наследовать землю
Что же такое наследовать землю
Это значит исчерпать терпение
Что и требовалось доказать
Что и требовалось доказать
В дверной глазок — в замочную щель
Гениальные мыслишки — моровые войнушки
Неофициальные пупы земли
Эмалированные части головных систем
Инстинктивные добровольцы
Во имя вселенной и хлебной корочки
Люди с большой буквы
Слово «люди» пишется с большой буквы.
Свастика веры стянула лица
Вавилонская азбука налипла на пальцах
Исторически оправданный метод
Пожирания сырой земли
Это ли не то, что нам надо?!
Это ли не то, что нам надо?!
А поутру они неизбежно проснулись
Не простудились — не замарались
Называли вещи своими именами
Сеяли доброе, разумное, вечное
Всё посеяли, всё называли

Кушать подано — честь по чести
На первое были плоды просвещения
А на второе — кровавые мальчики
Орденосный господь победоносного мира
Заслуженный господь краснознамённого страха
Праведный праздник для правильных граждан
Отточенный серп для созревших колосьев
Яма как принцип движения к солнцу
Кашу слезами не испортишь нет
Полные сани девичьим срамом
Полные простыни ребячьим смрадом
Девичьи глазки, кукушкины слезки
А также всякие иные предметы
Так кто погиб в генеральном сраженьи
Кто погиб в гениальном поражении
За полную чашку жалости
В сталинградской битве озверевшей похоти?
Самолет усмехнулся вдребезги
В бугорок обетованной земли
Самолет усмехнулся вдребезги
В бугорок обетованной землицы
А свою любовь я собственноручно
Освободил от дальнейших неизбежных огорчений
Подманил ее пряником
Подманил ее пряником
Изнасиловал пьяным жестоким ботинком
И повесил на облачке, словно ребёнок
СВОЮ НЕЛЮБИМУЮ КУКЛУ
СВОЮ НЕЛЮБИМУЮ КУКЛУ
СВОЮ НЕЛЮБИМУЮ КУКЛУ
СВОЮ НЕЛЮБИМУЮ КУКЛУ
Словно иней, сердобольный смех
Словно иней, сердобольный смех
Словно иней, сердобольный смех
Славно валится на...
на...

на РУССКОЕ ПОЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ
А вечность пахнет нефтью.
1988

КОГДА Я УМЕР

Когда я умер
Плевком замёрзли
Дорогие конструкции
Блёклые пропорции
Удушливые ветры
С навозной кучи
Пьяного оцепенения
Кто поверил
Кто запомнил
Кто нагадил
Поруганная вывеска
Бетонная лимонная
Порушилась — рух!
Порушилась — швах!
Я закутался просторным инеем
Я успокоился сучьим выменем
Когда я умер
Когда я умер
Копейки посыпались
Глазки забегали
А руки всё грезились в разные стороны
Где доказательства?
Где одуванчики?
Трухлявое горло распёрло
Щекотливое равнозначие
А потом завернули закутали
Прибили колеса вместо рук ног
Катали меня на верёвочке
Возили меня на ярмарку

Когда я умер
Когда я умер
Весь мир ебанулся
Весь мир ебанулся
А я лежу в пресловутой комнате
Такой смышлёный
Невежливо умный.
Однако лежу.
Фатально лежу.
1988

* * *

Когда я умер
Не было никого
Кто бы это опроверг.
10.04.88

БЕРИ ШИНЕЛЬ

Кто здесь самый главный анархист?
Кто здесь самый хитрый шпиён?
Кто здесь самый мудрый судья?
Кто здесь самый удалой господь?
Неба синь да земли конура
Тебя магазин да меня дыра
Пока не поздно — пошел с ума на хуй!
Пока не поздно — из крысы прямо в ангелы.
На картинке — красная морковь
Поезд крикнул — дёрнулась бровь
Лишь калитка по-прежнему настезь
Лишь поначалу слегка будет больно
Бери шинель — пошли домой.
Бери шинель — айда по домам.

1989

* * *

Ни за что, ни про что
На авось, просто так
Грел снежок, тёр очки
Не заметил — осень пришла.
Так и гнал, так и шёл
За собою по пятам
Всё на пятки себе
Упоённо наступал
Через край, через рай
Через раз, через год
Да позабыл про волосы -
Зацепились за забор.
Лишь слегка порезался
Оказалось на повал
Наступил лишь одной ногой
А в говне уж по уши.
На заре на столе
Разноцветны стёклышки
Разноцветны тряпочки -
Непонятно не хрена.
1989

КАК СМЕТАНА

Подвязать штаны продолговатым ремешком
И ступать вперёд, надеясь
Что была и у тебя
Когда-то
Жизнь как сметана
Жизнь как перина

Жизнь как сметана
Жизнь как перина.
1989

ПРЫГ-СКОК

Летели качели
Без пассажиров
Без постороннего усилия
Сами по себе...
Горло высохло
Ветка намокла
Ветка намокла
Канавы распухла
Дармовою влагой
Стоячей водичкой
Стоячей водичкой
Да черной судорогой
Пальцы свело
Голову выжгло
Тело вынесло
Душу вымело
Долой за околицу
Долой за околицу
Выбелило волос
Выдавило голос
Выпекло морщины
Засмеялись мужчины
Засмеялись мужчины
Да заплакали женщины
Пальцам холодно
Мыслям крохотно
Из земной юдоли
В неведомые боли — ПРЫГ—СКОК!!!
ПРЫГ—СКОК!!!

ПРЫГ ПОД ЗЕМЛЮ
СКОК НА ОБЛАКО
ПРЫГ ПОД ЗЕМЛЮ
СКОК НА ОБЛАКО
Задрожали усы
Заплясали часы
Прыг — секунда
Скок — столетие
Прыг — секунда
Скок — столетие.
поседели усы
остановились часы
сгнуло время
выгорело семя
захлебнулась рвота
удавилась икота
скорчился страх
да под телогрейкой
Во мраке зеркало вода и свеча
Кто-то внутри умирает хохоча
Губами пенясь...
губами пенясь
зубами стуча
жди затмение
жди затмение
тех кто ждет тебя ночью в поле!
Постигай порядок...
Постигай порядок -
Кто святой отец
Кто ни разу не жилец
Кто разорвал кольцо
Кто упал под колесо
В аккурат всё сбудется
Всё позабудется
Всё образуется...
Двинулось тело

Кругами по комнате
Без всяких усилий
Само по себе
Само по себе
САМО ПО СЕБЕ!!!
Скрючились пальцы
Чёрной судорогой
Чёрной судорогой
Скрючились пальцы!
Из каленой стали
В чудовищные дали — ПРЫГ-СКОК!!!
ПРЫГ — ПОД КОЖУ
СКОК — НА ЯБЛОНЮ
ПРЫГ — ПОД КОЖУ
СКОК — НА НЕБО!!!
Ночь зеркало вода и свеча
И белая скатерть
пламенела краска
камене а маска
За пазухой — стужа
Прохудилась кожа
Кап—кап
Кап—кап
Кап...
Прохудилась кожа
Опустела рожа
Руки свело
А душу вымело
Душу вымело
За околицу
Досадный сор из мясной избушки
Закрылись кавычки
Позабылись привычки
Брось свечу в ручей
Брось свечу в ручей
Пусть плывет воск

Пусть плывет воск.
Вода играет
Воск плывет
Дитя умирает
Старичок поёт:
Сядь на лесенку
Послушай песенку
Сухого колодца
Виноватого уродца
Про то как случилось
Что бадья разбилась
Верёвка порвалась
Да и воды не оказалось
Да и вовсе не было ни хуя —
Лишь змеилась змея
Да струилась струя
Струилась струя
ДА ПОСПЕВАЛА МАЛИНА
ВДОХ — ДА ВЫДОХ
ВДОХ — ДА ВЫДОХ
ВДОХ — ДА ВЫДОХ
ВДОХ — ДА ВЫДОХ...
сбрось свой облик
загаси огарок
принимай подарок
ВЫРВИ КОРЕНЬ ВОН!!
ПРЫГ-СКОК!!!
ПРЫГ-СКОКИ!
НИЖЕ КЛАДБИЩА
ВЫШЕ СОЛНЫШКА
НИЖЕ КЛАДБИЩА
ВЫШЕ СОЛНЫШКА...ПРЫГ — ПОД ЗЕМЛЮ!!
СКОК — НА ОБЛАКО!!
ПРЫГ-ПОД ЗЕМЛЮ!!
СКОК — НА ОБЛАКО!!
НАД ДЕРЕВЬЯМИ!

ПОД МОГИЛАМИ!
НИЖЕ КЛАДБИЩА!!
ВЫШЕ СОЛНЫШКА!!! ПРЫГ-СКОК!!!
ПРЫГ-СКОК!!!

Летели качели
Да без пассажиров
Без постороннего усилия
Да сами по себе...
В аккурат всё сбудется
всё позабудется
всё образуется.
1990

ТОЛЧКИ И ЧЕРВЯЧКИ

Из груши выползал червячок
А из подушки — сновидение
На кухне хохотал дурачок
Смешав колбаску со слюною
Запуталась культя в рукаве
Весна забылась в рукопашной
На цыпочках подкравшись к себе
Я позвонил и убежал.
С вечера застолье
Поутру похмелье
Перец, соль да сахар...
А только вышло по другому
Вышло вовсе и не так.
Из груши выползал червячок
А из кармана — безобразие
На лавочке молчал старичок
Собой являя запредельность
Местами возникали толчки
А в целом было превосходно
По-прежнему ползли червячки

Лишь холмик на кладбище просел.
Небо цвета мяса
Мясо вкуса неба
Перец, соль да сахар...
Да только вышло по-другому
Вышло вовсе и не так!
1990

* * *

Глупый мотылек
Догорал на свечке
Жаркий уголек
Дымные колечки
Звездочка упала в лужу у крыльца.
Отряд не заметил потери бойца.
Мертвый не воскрес
Хворый не загнулся
Зрячий не ослеп
Спящий не проснулся
Весело стучали храбрые сердца...
Отряд не заметил потери бойца.
Не было родней
Не было красивей
Не было больней
Не было счастливей
Не было начала, не было конца...
Отряд не заметил потери бойца.
1990

НОЧЬ

(посвящается Александру Введенскому)
Кролик мусолил капустный листок

В 69 м году был знаменитый фестиваль Вудсток
Я полотенцем очки протёр
У котейки хвостик нечаяно обгорел
Введенский в петле плясал
Маяковский пулю сосал
Передонов зубами во сне скрипел
В Сибири наблюдался католический бум
В сортире котейка странные звуки издавал
Серый котейка блевал огурцом
Был обзываем подлецом
Всю ночь на помойке мусор горел
Май сатанел
Под утро из тучи дождик попёр
Отчаяно вспотел Егор
Глобальные вещи тужились в мозгу
Пальцы лазали в бороде
Женя Колесов перебрался в Москву
Федя Фомин получил пизды
Я в это время песенки орал
Передонов умирал
Давал недотыкомку на прокат
В Австралии есть такой зверек — вомбат
Кастанеда об этом ничего не писал
Серый котейка в ботинок ссал.
1.05.90

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ ВОЗВРАЩАЛСЯ ДОМОЙ

Наблюдал предметы, целовал ланиты
Кидал подкидышей, боялся юношей
Закусывал пожаром, запивал наводнением —
Маленький принц возвращался домой
Проигрывал партии одну за другой
Лузгал семечки, вонял как спички
Срал себе на голову, хватал себя за бороду

Травился звуком, давился дождем
Маленький принц возвращался домой
Приплясывал с саблей, как Ленин в Октябре
Катался на лодочке, лазил по веревочке
Ругался как татарин, пизданулся как Гагарин
Гадал по трупам, ошибался как Гитлер
Маленький принц возвращался домой
Наблюдал предметы, целовал ланиты
Кидал подкидышей, боялся юношей
Закусывал пожаром, запивал наводнением
Маленький принц возвращался домой.
1989

ЕВАНГЕЛИЕ

Зоркие окна —
Кто согреет зоркие окна?
Пожалей беззвучными словами
Своего оловянного Христа
Жадные пальцы
Кто накормит жадные пальцы?
Обними голодными руками
Своего неспасенного Христа
Беглые тени
Кто поймает беглые тени?
Спеленай надёжными цепями
Своего безнадёжного Христа
Скользкие вены
Скользкие тревожные вены
Поцелуй холодными губами
Своего зазеркального Христа
.....
Круглое небо
Кто накажет круглое небо?
Задуши послушными руками

Своего непослушного Христа
1990

ИВАНОВО ДЕТСТВО

Просто охотник ни разу не промазал
Просто птичка летать не научилась
Просто руки устали держаться за поручни
А тесто затвердело слишком быстро
Просто трамвайчик взял да и поехал
Под откос
Под откос
Под тихий стук вагонных колес
Под вкрадчивый стук трамвайных колес
Под тихий стук вагонных колес
Просто варешка потерялась
Да одна нога за другую запиналась
Просто всё уже было
Просто всё уже было
Просто лишь когда человеку мрёт
Лишь тогда он не врет
В левой стороне груди шевелится травка
Палка перегнулась — я буду жить долго
Муха отдирается от липкой бумаги
Обрывая при этом свою бесполезную плоть
Покидая при этом свою неказистую плоть
В пустоте да не в обиде
Много ли засранцу надо
Иванове детство — дело прошлое
Шёл весёлый год войны
Где-то обронили, где-то потеряли
Где-то не доперли, где-то недоели
Да не всё ли равно — что кушать
Да не всё ли равно чем срать
Жизнь прожить — по полю топать

Так чем же пахнет земля?

В левой стороне груди шевелится травка
Палка перегнулась — я буду жить долго
Муха отдирается от липкой бумаги
Обрывая при этом свою бесполезную плоть
Покидая при этом свою неказистую плоть
1989

ПРО ДУРАЧКА

Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя
Идет Смерть по улице, несет блины на блюде
Кому вынется — тому сбудется
Тронет за плечо, поцелует горячо
Полетят копейки из-за пазухи долой
Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя
Зубастые колеса завертелись в башке
В промокшей башке под бронебойным дождём
Закипела ртуть, замахнулся кулак -
Да только если крест на грудь, то на последний
глаз-пятак

Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя
Моя мёртвая мамка вчера ко мне пришла
Всё грозила кулаком, называла дураком
Предрассветный комар опустился в мой пожар
И захлебнулся кровью из моего виска
Ходит дурачок по миру
Ищет дурачок глупее себя
А сегодня я воздушных шариков купил
Получу на них над расчудесной страной
Буду пух глотать, буду в землю нырять

И на все вопросы отвечать: «ВСЕГДА ЖИВОЙ!»
Ходит дурачок по небу
Ищет дурачок глупее себя
Светило солнышко и ночью и днем
Не бывает атеистов в окопах под огнем
Добежит слепой, победит ничтожный
Такое вам и не снилось.
Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя
Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя.
1990

ПРО МИШУТКУ

Плюшевый мишутка
Шёл по лесу, шишки собирал
Сразу терял всё что находил
Превращался в дулю
Чтобы кто-то там вспомнил
Чтобы кто-то там глянул
Чтобы кто-то там понял
Плюшевый мишутка
Шёл войною прямо на Берлин
Смело ломал каждый мостик перед собой
Превращался в дуло
Чтобы поседел волос
Чтобы почернел палец
Чтобы опалил дождик
Чтобы кто-то там тронул
Чтобы кто-то там дунул
Чтобы кто-то там...
на стол накрыл
машинку починил
платочком махнул

ветку нагнул...
Плюшевый мишутка
Лез на небо прямо по сосне
Грозно рычал, прутиком грозил
Превращался в точку
Значит кто-то там знает
Значит кто-то там верит
Значит кто-то там помнит
Значит кто-то там любит
Значит кто-то там...
1990

ВСЁ ЛИ ПОНАРОШКУ

Кусок не по зубам — не по Сеньке вина
Не по росту потолок — не по карману цена
Не по вкусу пряник — не по чину мундир
Пуля виноватого найдёт
Прятались вены — искала игла
Ликовали стрелы — порвалась тетива
Колесом в огонь — щекой в ладонь
Пуля виноватого найдёт
Славный урок — не в глаз а в бровь
Калачиком свернулась замурлыкала кровь
Стала кровь хитра — а только мы похитрей
Пуля виноватого найдёт
Проверим чемоданы — всё ли в порядке
Пошарим по карманам — всё ли на месте
Покашляем покурим посидим на дорожку
Всё ли понарошку?
1991

ПИЗДЕЦ ЭПОХЕ ГОЛОЦЕНА

Запотели полированные лбы
Закипели благородные умы
Застучали листопады по мозгам
Побежали красны сопли по усам
Приосанились матёрые мужи
Заворочались пытливые ножи
Засвербило в молодёжных животах
Потонули шапки в буйных головах
Торопливые глисты языков
Заскорузные мозоли потолков
Меховые лабиринты ноздрей
Несусветные щедроты бытия

Будьте здоровы
Живите богато!
1991

* * *

Они сражались за Родину
Свирепо целовались на виду у всей вселенной
Бродили яко по суху по шалой воде
Сеяли зной, пожинали апрель
Они сражались за Родину
Грешили словно ангелы, грустили словно боги
Решительно теряли память, совесть и честь
Искали в поле полночь, находили рассвет
Работали на огненные мельницы горючим ледяным
зерном
Работали на огненные мельницы горючим ледяным
зерном
Ревниво постигали раздирающую радость
отвешивать поклоны чуть пониже земли
Убегая без оглядки босиком туда где никто пока
еще не помер

Они сражались за Родину
Глазели как прохожие, плясали как слепые
Плевали в зеркала, потели мертвой росой
Молчали взахлёб, хохотали навзрыд

.....

Они сражались за Родину
Тонули словно молнии, пылали словно реки
Отважно отвоевывали ломаный грош
Сеяли зной, пожинали апрель...
1991

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Под столетними сугробами библейских анекдотов,
похотливых православных и прожорливых
католиков,

покинутых окопов и горящих муравейников

Вечная весна в одиночной камере

Под затопленными толпами домами, площадями,
многолюдными пустынями, зловонными церквями,
раскаленными хуями и голодными влагалищами

Вечная весна в одиночной камере

Сквозь зеркальные убежища, словарные запасы,
богохульные мыслишки и непропитые денюжки,
обильно унавоженные кладбища и огороды

Вечная весна в одиночной камере

Воробьиная

кромешная

пронзительная

хищная

отчаянная стая голосит во мне

Сотни лет сугробов, лазаретов, питекантропов,
стихов, медикаментов, хлеба, зрелищ, обязательных

лечебных подземельных процедур для всех кривых,
горбатых —

Вечная весна в одиночной камере

Воробьиная

кромешная

пронзительная

хищная

отчаянная стая голосит во мне.

1991

СЕМЬ ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ

Покачнулось небо под ногами

Полетела весть в далекий край

Зацвела тревожными кругами

Грозовая даль — звёздная пыль

Вольный кораблик, послушный поток

Семь озорных шагов за горизонт

По следам заклятых добровольцев —

В ледяную глубь высохших рек

В половодье выпитых колодцев

В ледяной страх — в неведомый брод

Долгая ночка, короткий денёк

Семь озорных шагов за горизонт

Наказанный сынок не успел подрасти

Капризное весло отказалось грести

Упрямый парашют не раскрылся в свой срок

А залётный бумеранг посмел поверить в то, что мол

—

обратной дороги нет

обратной дороги нет

обратной дороги нет

обратной дороги нет

нет уж лучше ты послушай как вбивается в ладони

дождь

слушай как по горлу пробегает мышь
слушай как под сердцем возникает брешь
как в желудке копошится зима
как ползет по позвоночнику землистый лишай
как вливается в глазницы родниковый потоп
как настырный одуванчик раздирает асфальт
как ржавеют втихомолку потаенные прозрачные
двери

слушай как сквозь кожу прорастает рожь
слушай как по горлу пробегает мышь
слушай как в желудке пузырится смех
слушай как спешит по гулким венам вдаль твоя
сладкая радуга...
звонкая радуга...
как на яблоне на ветке созревает звезда
крошечная поздняя милая ручная...
слушай как блуждают по покинутым селениям
шальные хороводы деревянных невест
слушай как под сердцем колосится рожь
слушай как по горлу пробегает мышь
слушай как в желудке распухает ночь
как вонзается в ладонь стебелёк
как лениво высыхает молоко на губах
как ворочается в печени червивый клубок
как шевелятся кузнечики в густом янтаре
погружаясь в изнурительное бегство никуда из
ниоткуда

вот и хорошо, вот и баиньки
страшно безымянному зайныке
под глазастыми заборами в удушливых потёмках
своего замысловатого сырого нутра...

.....

Провалилось небо под ногами
Полетела весть в далекий край
Разразилась талыми кругами
Грозовая гладь — звёздная топь

Вольный кораблик, послушный поток
Семь озорных шагов за горизонт
Семь ледяных мостов за горизонт
Семь проливных дождей за горизонт.

P.S.

Сквозь кожу прорастает серебристая рожь
Вливается в глазницы родниковый потоп
Лениво высыхает молоко на губах
Ржавеют втихомолку потаённые прозрачные двери.
1991

СВОБОДА

Как платил Незнайка за свои вопросы
Что скрывал последний злой патрон
И чему посмеивался Санька Матросов
Перед тем как Шышел-Мышел пернул вышел вон?
Как бежал за солнышком слепой Ивашка
Как садился ангел на плечо
Как рвалась и плавилась последняя рубашка
Как и что обрёл обнял летящий Башлачев?
Партизан спалил в пизду родную хату
Завязался в узел ремешок
Эх, распирает изнутри веселую гранату
Так чем всегда кончается вот такой стишок?
Это знает моя Свобода
Это знает моя Свобода
Это знает мое Поражение
Это знает моя Торжество.
1990

ПРИВЫКАТЬ

То ли поделом, то ли по домам

То ли скатертью дорожка, то ли что-то ещё.
Словно камни
Словно корни
Словно черви
Будем привыкать.
Сумерки и боги разбрелись по углам
Зевота разорвала горизонт пополам.
Час за часом
Год за годом
Век за веком
Будем привыкать.
Что-то белое слепое поселилось в груди
То ли вьюга, то ли моль, то ли всё, что впереди
То ли жажда
То ли полдень
То ли копоть
Будем привыкать.
1991

ОФЕЛИЯ

Далёкая Офелия смеялась во сне:
Пузатый дрозд, мохнатый олень
Привычно прошлогодний нарисованный снег
Легко светло и весело хрустит на зубах
Нарядная Офелия текла через край -
Змеиный мёд, малиновый яд
Резиновый трамвайчик, оцинкованный май
Просроченный билетик на повторный сеанс

Влюбленная Офелия плыла себе вдаль
Сияла ночь, звенела земля
Стремительно спешили, никого не таясь
Часы в свою нелепую смешную страну
Послушная Офелия плыла на восток

Чудесный плен, гранитный восторг
Лимонная тропинка в апельсиновый лес
Невидимый лифт на запредельный этаж
Далёкая Офелия смеялась во сне:
Усталый бес, ракитовый куст
Дареные лошадки разбрелись на заре
На все четыре стороны — попробуй поймай.
1991

ПЕРЕДОЗИРОВКА

Сырые закоулки, газированные реки
Стальные веки, грозные нули
Усталые истерики, повальные успехи
Сухие рты, седьмые небеса
Побочные явления, плачевные гримасы
Густые массы, громкие слова
Настойчивые выводы, незримые каркасы
Цветные сны и кое-что еще

Каждый миг передозировка
На все оставшиеся времена.
На все оставшиеся времена.
1991

ДРЫЗГ И БРЫЗГ

В дрызг и брызг рванула осень запоздалою жарой
Горячо и смехотворно в подберёзовой тени
Эх, увлеченно бы высунуть назойливый язык
И в заплатанную тряпочку промолчать.
Убежденно провожать ненаглядные вторники
Капризно вспоминать широчайшие поприща
Метафизические карбованці и арбузные полночи

Рыженькие кошечки и беленькие собачки
Кишка электрички
Западноберлинские спички.
От резиновой улыбки болят мышцы лица.
Что-то кислое потекло по стеклу -
То ли благоразумие
То ли слеза.
Всевышний генералитет выразил вулканическое
недоумение
Тем не менее
От напрасной улыбки заныла скула
Грянул гром. Запотели очки.
Порвались бедные мои башмачки.
Пустяки!
Дело житейское.
Хитрожопое.
Будет еще и сажень в плечах
И жопа с ручкой и ядреная вошь
А также заведомая гундосая ложь
О том как я в дрызг и брызг отравился кривой
окаянной
усмешкой.
Косоротой натужной ухмылочкой
.
Если однажды
Вдруг
Меня не окажется вовсе
в заповедной заветной тарелке
Твоего праведного сновидения
Знай-
Неуловимые мстители настигли меня.
13-15.09.90

* * *

Праздник песни вымирающих народов
Вырождающихся богов
Поздние гадания на кровавой гуще
Превосходный пикничок на вселенской обочине
Пышные поминки по всем тем кто устал не посмел
Протрезвел повзрослел
Всем кто взял бессрочный отпуск за свой
собственный счёт.

Обугленная лужа засмеялась мне в лицо —
Ты оденься потеплее
Скоро похолодание.
1990

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

И будет целебный хлеб
Словно нипочём
Словно многоточие
И напроломное лето моё
Однофамильное
Одноименное
Губы в трубочку
Нить — в иголочку
Не жисть — а сорочинская ярмарка!
Заскорузло любили
Освинело горевали
Подбрасывали вверх догорелую искорку
Раскрашивали домики нетрезвыми красочками
Назывались груздями,
полезали в кузова
Блуждали по мирам, словно вши по затылкам
Триумфально кочевали по невымытым стаканам,
по натруженным умам
По испуганным телам
По отсыревшим потолкам

Выпадали друг за другом как молочные зубы
Испускали дух и крик
Пузырились топкой мелочью
В оттопыренных карманах деревянных пиджаков
Кипучие могучие никем непобедимые
Словно обожженные богами горшки
А за спинами таились
Лыжи в сенях
Санки
Салазки
Сказки
Арабески
На седьмой день ему все остопиздело:
Пусть будет внезапно
Пусть будет неслыханно
Пусть прямо из глотки
Пусть прямо из зеркала
Безобразно рванёт из под кожи древесно-мясные
волокна
Моя самовольная вздорная радость
ЧУДОВИЩНАЯ весна!..
Чтоб клевать пучеглазое зерно на закате
Целовать неудержимые ладони на заре
Топни ногою
и вылетят на хуй все стекла и двери глаза вилки
ложки
и складные карманные ножички
Еще одна свирепая история любви
Грустная сказочка про свинью-копилку
Развеселый анекдотец про то как Свидригайлов
собирался в Америку
Везучий, как зеркало, отразившее пожар
Новогодний, как полнолуние, потно зажатое в
кулаке
Единственный, словно звонкое змеиное колечко
Единственный, словно вскользь брошенное словечко

Замечательный, словно сто добровольных лет
Одиночества.
1990

КАК В МЯСНОЙ ИЗБУШКЕ ПОМИРАЛА ДУША

Как в мясной избушке помирала душа
Как в мясной избушке умирала душа
Как в мясистой хатке догнивала душонка
Как в мясистой хатке пропадала душа
В то красное лето многие сходили с ума
В то лето людишки уходили с ума
Завидуя торопливым воронам
Клевавшим глаза у убитых мышат
Сложенных добрыми трудолюбивыми пальцами
В аккуратные праздничные пирамидки.
В то лето я разбил себе вдребезги лоб
О величавые достоинства мстительной памяти,
Ненароком наблюдая, как в мясной избушке
помирала душа
Как в мясной избушке умирала душа.
Кто-то поджег сухой тростник...
Прокатился на саночках с лихостью, с гиком
А как возить настало время -
Задумался
Закашлялся
Тащил их на горку как мертвую мать
Да так и швырнул посредине
Задумался...
Сел и напрягся...
Сел и задумался...
Сел натужился...
А да все думал понарошку
Думал на три буквы
Однако не вышло —

Не хватило мочи.
Так и сидел и смотрел пузырьками век
Пузырьками век зорко наблюдал
Как в мясной избушке помирала душа
Как в мясистой хатке помирала душа...
Тошнило как рыбу
Тошнило как голубя
И домики падали то вверх то вниз
вверх — вниз
вверх — вниз...
Пластмассовый танк объявил войнушку
пластилиновой вселенной
Блудный сынишка ушел навсегда
Не успел вернуться
Не смог возвернуться
Слишком далеко зашел заблудил заплутал
В то лето я мял кривыми зубами
Сырые котлетки собственной немощи
В то лето я больше ни разу не плакал
В то лето я больше ни разу не жил
Больше со мной ничего не случилось.
Кролики крались в горячей траве...
На рассвете кто-то в окно постучал
Тихо-тихо
никто не услышал
никто не открыл.
1989

* * *

Все-то мы знаем
Все-то нам известно
И взбитые слюни
И траурные купальники
Полированный ужас обеденных столов

И пунцовая азбука незаслуженных пощечин
Подзорные туннели, надкусанные яблоки
Керосиновая сырость
Засуха гербариев
И королевское утешение -
Бродить по весенней воде
Босоногими пятками.
1.03.93

* * *

Тело расцветает кишками на волю
Тело удивляется
Тело обучается кишками наружу
Тело распускается кишками восвояси
Во весь дух
Бежит кровь — всё равно куда -
Лишь бы прочь из плена
Просится — так выпусти
Пусть себе гуляет.
1990

* * *

Вытри сопли облизнись
Расскажи о том что мимо
Что по самому по краю
По проселочной дорожке
По протоптанной тропинке
Что по радуге-дуге
Попляши себе на радость
Затяни потуже пояс
Подними как можно выше
Свой волшебный воротник

Поклонись как можно ниже
Закопай как можно глубже
Промолчи как можно громче
Зашвырни куда подальше
Поищи в своей тарелке
Может что-нибудь осталось
Закуси губу не дуру
Вытри сопли
Облизнись.
1992

* * *

Безутешная мудрость
Высушит щёки, глаза и подмышки
Выстудит голову
Вызнобит мех
В сердце поселит радугу
И высушит щёки, подмышки, глаза.
9.02.93

* * *

Ненавистная любовь
Облепила ладони, застряла на зубах
Слизью на губах зацвела
Слизью на губах — ненавистная любовь
Пузыристой слизью
Ненавистная любовь запеклась на губах
Спелой слизью — светлой корочкой
Стылой коростой
Пузыристая слизь
Ненавистная любовь
Побрела по губам

По землистым умам
По щекам по подбородкам
Пошла на удобрение.
1991

ЛЮБО-ДОРОГО

Дома всё в порядке
Трезвый хозяин
Белый передник
Полный порядок
Безукоризненный
Полная чаша
Полная мера
Твердая память
Ни дыхнуть ни пёрнуть
Ни других забот.
1991

* * *

Безногий инвалид пробудился среди ночи
Закричал заплакал
Нестерпимо чешется пятка
На отрезанной правой ноге
Зубами скрежетал
Потом успокоился.
Такое снится к шапочному разбору.
1991

* * *

Как везли бревно на семи лошадях

Сквозь игольное ушко да за тридевять червивых
земель

За снотворные туманы, за бродячие сухие леса
За дремучие селения, за кислые слепые дожди
За грибные водопады, за бездонные глухие поля на
рассыпчатые горы, за раззявые вонючие рты по
дощатому настилу, по тревожно суетливой листве

По подземным переходам, по зарёванным
прыщавым щекам

В начале было слово.

Все слова — пиздёж.

1992

* * *

С миру по нитке

По горстке, по копеечке

Песочная сыпь

Аллергическая зыбь

Взятая взаймы задушевная повседневность

С дырявым сапогом, набитым чёрствыми снегами,

С абразивными колёсами

Пестиками и тычинками.

1992

* * *

Утро вечера мудренее

У мамки в животе.

1992

* * *

Хмурили брови,
Менялись местами и планами,
Ворочали колёса, хоронили урожаи
В натруженных желудках и мозолистых умах
Деловито увязали в паутине междометий
Пышного многословия
Назойливой болтовни
Ходячие кладбища очевидных истин
Свежих новостей
Маринованных груздей
Горестных воспоминаний
Застенчиво рыдали на пятнистых подушках
Коротали время на бессонных раскладушках
Непрерывно задавались вечными вопросами
Велико ли расстояние
От Христа до глиста
От звезды до пизды
От сопли до земли
Далеко ли близко ли
От одной хуйни до другой хуйни
Пуще всего опасались самовозгораний.
1992

* * *

Каждому воздать
Стократною сторицей
Воздать по делам по заслугам
Уважить свинцовым уважением
Отличит родимым пятном
Почетным караулом
Триумфальным салютом
представить к внеочередному воскресению
наградить всенародным вниманием
Выдать каждому по солнечному перышку

По огненному зёрнышку
По калёной косе
По сухой стрекозе
По румянному лицу
Обручальному кольцу
По пасхальному яйцу
По тарелке до краев
По спасительному кругу
По стерильному бинту
На добрую память
Об удачной операции
Об успешном окончании
Окопной войны.
1991

* * *

Близко-близко
Далеко-далеко
Низко-низко
Высоко-высоко
Глубоко-глубоко
Жарко-жарко
Холодно
Долго
Тихо-тихо
Над лугами над озерами
Не примяв травы не замутив воды
Эй проснись!
У тебя мышь в голове
1992

НЕ МЕШАЙТЕ ЛЮДЯМ СРАТЬ

Срать с высоких этажей
На пугливые затылки
Мыльной пеной
Толченым стеклом
Спелыми норами
Черными дырами
Блевать на юг
Хохотать на север
Пердеть на восток
Чтобы в глотке рвалось
Чтобы в лёгких смеркалось
Чтобы решительно и повсеместно
Стало молодо-зелено
И красно.
1992

* * *

Это ещё куда ни шло
Глаз да глаз
Совет да любовь
Жребий брошен
Прямо в рот.
Факел в руку
Ветер в голову
Флаг тебе в руку
Факел тебе в голову.
1991

* * *

Что означает
Что происходит
Когда прекращают работать законы

Земного тяготения
Когда исчезает земное притяжение
Отказывает
Не действует
Забывается
Земля не держит
Пинает изгоняет прочь
Толкает тебя вон
Посылает на хуй
Куда летят все знаки препинания
Приливы крови отливы мочи
И тому подобная эквилибристика
Когда земля матушка
Велит тебе ласково и душисто
ПИЗДУЙ, РОДНОЙ!!
Он сказал поехали и
Махнул рукой
1992

* * *

Вот в чем дело
В доверительных интонациях
Утомительных наваждений
Где присутствуют грязный бинт и окно за окном
Розы ветров, колеса судьбы
Кишечная круговерть
Веретено траншей
Мастерство вшей
Культурные традиции полнокровных вшей.
1991

* * *

Когда наши руки
Опускались на самое дно
Таракан шуршал в коробочке весело и смело
А звёзды стремительно сыпались
В бездонные зеленоватые копилки
В марианские впадины
Зеленоватых осенних копилок
Хрупких, виноградных.
1992

* * *

Лунное набрякло
Солнечное дребезжало
Фонетическая жижа
Патологическое словоизвержение
Настойчивый вкус набрякшего во рту молока
Нашатырно-настырный густой аромат
Знойных страстей, говяжьих костей
Залихватских вестей от каменных гостей
Сахарных петушков
Полиэтиленовых мешков
Не использованных по прямому назначению
леденцов
Сбежавшего ко всем ебням молока.
1992

* * *

Великолепная затея
Топить континенты
Поджигать океаны
Швырять себя с балкона в закопченное наднебесье
В кромешное кровотоchie

В причудливую сыпь убедительных слов
В прессованное говнище дорогих воспоминаний
Созерцая по-стариковски ласково и лучисто
Заоблачные бездны безнадежного невежества
Кровоточить навозным жуком
В прожорливом муравейнике
Комфортабельном формикарии
Босыми ладонями плавить снега
Учиняя тем самым досрочные вёсны,
Застывать беспощадным верстовым столбом
Указующим перстом
По дороге на север.
1991

* * *

Ночная бабочка мягко шуршит
В черепной коробке моей шуршит
Ночи вязнут в сырой земле
Сами по себе
Смеюсь ругаюсь
Кашляю потею
Жду подарков с неба
Как щека пощечину.
1992

* * *

Так обменяемся же взглядами, конфетами, букетами
Заранее известными вопросами ответами
Полезными советами, пожатыми плечами
Почетными трофеями, прозрачными намёками
Дрожащими коленями
Ленивыми остротами

Торжественными тостами
Двусмысленными жестами
Пока не возвратились настоящие хозяева
Былинных территорий
Ископаемых земель
Сгоревших сгоряча поселений.
1992

* * *

Сквозь ветхую крышу текла озорная заря
текла безмятежно и густо
Сквозь ветхую крышу на запятнанные простыни
На больничные подушки
На большие подоконники
На столы на подоконники
Печальные большие словно трещины в стакане
немыслимые словно отрывной календарь
1991

* * *

Задумчиво раскачиваясь на почтенном табурете
Странствую по заснеженным, изъеденным мышами
просторам
Путешествую по комедийным граням
Равнобедренно-любовных треугольников
Забавляюсь фактом существования заводного зайца
Затейливо рассуждаю о многообразии словесного
пластилина
Словно дважды два
Словно таблица Менделеева
Словно жестяное ведро
Словно кафельные стены

Словно Валера, словно бабушка Люда
Словно тётя Галя, словно дедушка Петр
Словно пирожок с капустою
Словно циферблат, словно картофельное поле
Ворочаюсь в раю.
1991

* * *

Мир с тобой
Мир держится на тебе
Держи на себе весь мир
Мир жив лишь тобой
Так держи его на себе.
1992

* * *

Свернулся калачиком
Облетел одуванчиком
Отзвенел колокольчиком
На всю оставшуюся жизнь
Застенчивая ярость
Кокетливая скорбь
Игривое отчаяние
На всю оставшуюся жизнь
Вежливая ярость.
1992

* * *

Зарыться лбом в одеяло песка
И ни о чем не жалеть

Ни о чем не грустить
Наблюдать замороженно
За неистовым вращением планет и эскалаторов
За упрямым копошением кротов под землёй.
Хлопнет ставнями окно
Загудят переспелые ягоды
Будет небо скатертью
Будет земля орешком.
1991

* * *

То ли змейка, то ли мост
То ли петелька захлёт
То ли грезы, то ли газы
То ли светлые христосы
То ли скверная грязюка, то ли занятые места
То ли громкая гагара, то ли милая фигура
То ли твёрдая могила, то ли просторная комора
То ли стыдно, то ли поздно
То ли просто интересно
То ли буки, то ли веги, то ли капелька в носу
То ли лёли, то ли вали, то ли лютые мозоли
То ли лампочка устала, то ли бабушка зевнула
То ли змейка, то ли мост
То ли хворост.
2.11.92

* * *

Обмороженные полчища
Скитались по комнатам
Молчаливая пехота
Шагала неспешно

Из стены в стену
Из спины в спину
Непрошенные звуки
Гремучие гирлянды
Звякали гудели
Настойчиво выпрашивали сладости и ласки
Смыкали шеренги
Шествовали чинно
Из комнаты в комнату
Топтали булыжник невымытых щек
Толпились на подступах
Бродили гуськом
Слухи разговоры сквозняки пустые хлопоты
По лепным потолкам
По замурованным комнатам
По почтенным сединам
По розовым лысынам
Доисторические сквозняки это были.
1991

* * *

Вот и замечательно
Вот и превосходно
Всё уже обосрано
Можно успокоиться
Можно расходиться
Расходитесь по домам -
все уже обосрано!
1992

ПОВАДИЛСЯ КУВШИН ПО ВОДУ ХОДИТЬ

Заворочались комья в простуженных глотках

Подлинные ценности заняли в желудках
Полетели под откосы
Помойные ведра и ржавые колёсы
Зачесались рукавицы, загремели колокольцы
Содрогнулись накренились голубые табуретки
Хлынула кровь как из сапога
Справедливый приговор привели в исполнение
Срочно и успешно
Самым должным образом.
1992

* * *

Вышло время погулять на часок
Да так и не вернулось
Шальное моё беспризорное времечко
Вышло восвояси
Все какое было в наличии
Где его теперь гундосит
Где его теперь гниет
В каком бездорожье его шароёбится
В какой проруби плещется неприкаянным говном?
Пала в ответ листва с оглушительным шорохом
Отвоевала укутала схоронила
От оскаленных глаз
От разинутых рук
Нелепые ломтики
Лакомые клочки
Безнадёжно-пушистых покойников
Смехотворных кроликов
Разорванных собаками.
1992

ВОТ ТЕБЕ И НА

В пасмурное марево
В солнечное пекло
Снаряды полетели
Все до единого
Вовсе не туда куда им полагалось
Знать ошибочка прокралась в идеальные расчёты
Видно пушку заряжали нестерильными руками
Стало быть смешная вещь произошла.
1991

* * *

Ни кола ни двора
Ни пуха ни пера
Ни рыбы ни мяса
Ни пенистого кваса
Ни чёрствого хлеба, ни мучительного неба
Ни ключей, ни ручьев...
Летит Башлачёв
Над растоптанной землицей
Над казнённою землей
Уж так и быть, наделю его от щедрот
Хмельными углями, тверёзым ледком
Поучительной книжкой с картинками
И попутным ветерком
Чтоб луна плыла в черном масле
Чуть помедленнее...
чем он сам.
1990

ПОБЕДИТЕЛИ

Им было кончено
Им было подавно

Им было действительно и безусловно
Когда они щурили серые глазки
Когда они щупали снулыми пальцами
Брезгливые гримасы на собственных лицах
Когда они, важно наморщив сухие землистые лбы,
Прилежно насупив шершавые брови,
Вооружась консервными ножами безупречной
логики,
Уныло штурмовали иные измерения
Когда они, преисполнившись старческого
глубокомыслия,
Считали осколки разбитого зеркала
Вымеряли траектории падающих звезд
Мгновенно гасили пожарища вескими доводами
Ни о чем не тужили, никуда не спешили
Никому не верили на слово
Все проверяли.
8.08.93

ИГРА В ОДНИ ВОРОТА

Осенняя муха хлынула к форточке
Словно крысиное полчище к сахарной дудочке.
Словно снегурочка к пылкому свадебному костру
Словно бумажный кораблик к апрельскому
водовороту
Словно наш брат к ослепительной
Амбразуре.
5.05.93

НАРОДНАЯ СМЕКАЛКА

Помалкивай смелей тужи веселей
Вольному дуля пешему пуля

Нищий платит дважды
Мертвая собака не всякого укусит
Кошке игра мышке наука
Жить — смешно, помирать — грешно.
Война она научит забывать забывать
Война она покажет
Пальцем в небо
Жопой в лужу
Хуем по лбу
И прочие маленькие хитрости.
23.04.93

* * *

Из меня все сыпется
Словно из колодца -
Клетчатые пряники
Сахарные домики
Рожки изобилия
Серебряные копытца
Хрустальные зоркие шарики
И апрельские колокольцы.
1.04.93

* * *

Всему свое бремя
Всему свое вымя
На всех не нагадишь
Ничего не попишешь
Кровавыми кулачищами по кровле грох грох
Позднее позорище
Проглоченная наживка
Вздывается подорожник

Гнётся тростник
Влетает рассвет в копеечку
Смех да и только
Только-только...
Вот то-то и оно.
4, 11.01.93

В ОГНЕ БРОДА НЕТ

Заживо преисполниться святости
Босиком протаптывать пути-дорожки
Радужные тропинки
Отчаянно и сладко пригрезится на горизонте
последнему.
Что ещё?
11.01.93

* * *

Царапал макушку бутылочный ноготь
Чернели созвездия тучными комьями
Косматые рифмы ворочались на языке
Шершавая за полночь пышно свербила сморкалась
роилась
хитриновым нимбом
язвительным полчищем
тараканами попросту говоря
И гневные прадеды славно сочились
в прыщавых деревнях
в промозглых курганах
Проявляя смекалку, слюнявыми пальцами
безошибочно выявляли направление всякого ветра
Давали начала и прозвища рекам ручьям
Знали меня помнили

И улыбались.
22.01.93

* * *

Нешуточные песни про румяные сласти
Про пыльные пропасти и прочие напасти
Чернильные ливни, словесные наводнения
Парниковые прения
Безобразные стишки про вершки и корешки
Начищенные до блеска
сапоги, самовары и зубы
Изобильные столы
Кучерявые апостолы
Намеченные сроки, оглушительные сраки
Ослепительные зори, мочевые пузыри
Тупиковые просторы, злобучие Венеры
Расковырянные раны
Пищеварительные карманы
Сногшибательные плюсы и живительные минусы
Внимательные уши и сухие камыши...
В небе свербит колокольный зуд.
Нет, не бывать мне пожарником!
3.05.93

СЛАВА ТЕБЕ ГОСПОДИ

Всех нас зверей землёй оправдали
Всех нас зверей землёй помирили
Всех нас зверей землёй убаюкали
Утрамбовали
Угомонили
Нас бестолковых нелепых незванных
Землёй залатали, землёй убедили

Надежно утешили нас окаянных
Радужной просторной землёй.
5.05.93

* * *

Азартно давили прикладами каблуками
Чугунными небосводами, свинцовыми потолками
Топили в блевотине
стылой осенней грязи и кипящих весенних помоях
Рубили с плеча топорами и саблями
Копались штыками в цветастых упругих кишках
А он все стоит и стоит на своем
Победоносный
Проклятый
Отчаянный
Словно отрезанный ломоть
Одна нога в могиле
Другая — на облаке
Усталый смертельный
Холодный седой
Убитый-убитый
До глины до мяса
Стоит улыбается
Шепчет:
«Моя взяла».
9.05.93

* * *

Пламенное руно моей дерзости
Солнечное веретено моей гордыни
Гневное звонкое знамя мое
Реет и рдеет

Кипит попирает
Тщеславные цифры
Тщедушные суффиксы
Косматое жаркое знамя мое
Мечется на ветру, словно полярная полночь
Хрипло ликует
Швыряет куда не попадя
То меня то снаряды то зёрнышки
Грядущих вселенских пожарищ
Космических революций
И пулеметная ленточка моего шаловливого слога
Свирепо и ревностно
Выполняет задачу: «Живыми не брать!»
И при первом же радостном случае
Безупречно пускает в расход
Удушливый жопот
Унылые грезы
и т. п.
12.02.93

* * *

Как-то утром на рассвете
Поезд рельсы потеряет
Вспыхнет зарево в колодце
Хрустнет веточка в овраге
Порвутся штаны от широкой походки
Не понадобятся больше припасённые харчи.
1992

* * *

Каждый божий день
Что-то происходит

Что-нибудь да случается
Не бывает такого дня
Божьего
Чтобы что-нибудь
Да не стряслось
Такого
Скажем так, поучительного
То темя свирепо зачесется
То в пот так и бросит с размаху
То ни с того ни с сего
Проснешься не дома
А в мокрых кустах
Возле конечной остановки
Трамвая N 2
То вены возьмут и распухнут
Возьмут и РАСПУХНУТ
Сочные
Полнокровные
Узловатые
Похоронные
На тыльной стороне
Твоей деревянной ладони.
28.06.93

* * *

Где только наша не пропадала
Где только наша не сиротела
Где только наша не горевала
И всякое такое пораженческое развлечение
Этакое выдавливание из себя по капле Георгия-
Победоносца
Разбредалось по порогам
И невидимые слезы растекались по дорогам
И деревья шевелились, словно водоросли.

24 июля 1993 г.

* * *

Столько ли в стоге сена иголок
Сколько во мне скрипучем калиток?
Всем ответам одна цена -
Молочно-белая
Словно флаг из окна,
Неотвратимая и безвозвратная
Словно короткая спичка
Вытянутая по полошности -
Так рассуждал я, пребывая в невероятной
дотошности
И брел наугад по весенним протокам
И Родина щедро поила меня
И кормила меня
И кормила меня
И вела меня за руку.
5 июля 1993

* * *

И был я
Словно покинутый муравейник
Словно разохшийся подоконник
Словно пятнистая драная скатерть
На кухонном круглом столе
И смутные песни
Туманные басни
Во мне громоздились
Меня примеряли
И я, бездыханный, неведомый,
Заворожённо следил наблюдал

Как что-то такое родное, такое любимое, радужное
Плавно рассасывалось под сердцем
Словно слоёное облако
Сладко текло между стылыми пальцами прочь
И руки мои, словно пленные
И ноги мои позабытые
И мысли мои бестолковые
И речи мои, сквозняком унесенные
И яблоки валяются в рыхлую землю
И стрекозиные крылья беззвучно скрипят
На осеннем ленивом ветру...
Однако
В самый последний момент
ЖИВЫЕ -
Безнадёжно, безбожно ЖИВЫЕ -
Они поднялись всем оскаленным миром
Поймали меня за распахнутый ворот
Дыхнули в лицо дождевым перегаром
Поправили богатырские очки на носу
И торжественно наградили
Чудотворной суровой пощёчиной
После чего утёрли сопли
Похлопали по плечу
Подмигнули
И снова пустили по миру
Меня горемычного
И благодарного.
10.08.93

* * *

Слово мое захудалое
Родилось ты тут ни с того ни с сего
Словно пятая нога у хромой собачонки
В принципе-то понятно отчего

Однако все ж таки досадно
Не мне так другим,
Прихрамывающим.
16го августа 1993го года.

* * *

Взяли и ссыпали горы, пустыни, леса острова,
континенты
В спичечный коробок
Вылили реки, озёра, моря, океаны
В чашку Петри
Втянули всосали ветра, ураганы
В баллончик для автосифона
А потом всей гурьбою уселись у окна
И долго смотрели
Как время бежит убегает по первому снегу
Бежит наутёк, увязая все крепче и яростней
В необъятных просторах чудесной своей
телогрейки,
Щедро изъеденной шалыми искрами
Палыми звёздами
Солнечными зайчиками
И огнями святого Эльма.
16 августа 1993 года.

* * *

Порубили нас с тобою, словно ветки во лесу
Стало быть, накрылась
наша партизанщина
Назойливая буденовщина
Бесстыжая наша чапаевщина.
Будем теперь дышать, обедать

И честным людям
смотреть в глаза.
11 сентября 1993 года

* * *

Солнечный зайчик взломал потолок.
Закатился камешек на гору.
Пряная косточка свежего горя
Верно и яростно канула
В янтарную Лету заслуженного долголетия.
Солнечный зайчик взорвал потолок.
Кончился почерк. Угасли дожди.
Стихло безмолвие.
Родина настала.
январь-март 1993

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯНКА

Порой умирают боги — и права нет больше верить
Порой заметает дороги, крестом забивают двери
И сохнут ключи в пустыне, а взрыв потрясает сушу,
Когда умирает богиня, когда оставляет души
Огонь пожирает стены и храмы становятся прахом
И движутся манекены не ведая больше страха
Шагают полки по иконам бессмысленным ровным
клином

Теперь больше верят погонам и ампулам с героином
Терновый венец завянет, всяк будет себе хозяин
Фольклором народным станет убивший Авеля Каин
Погаснет огонь в лампадах, умолкнут священные
гимны

Не будет ни рая, ни ада, когда наши боги погибнут
Так иди и твори, что надо, не бойся, никто не
накажет

Теперь ничего не свято...

1985

* * *

Нарисовали икону и под дождем забыли
Очи святой мадонны струи воды размыли
Краска слезой струилась то небеса рыдали
Люди под кровом укрылись — люди о том не знали
А небеса сердились, а небеса ругались
Бурею разразились...
Овцы толпой сбивались
Молнии в окна били, ветры срывали крыши
Псы под дверями выли, метались в амбарах мыши
Жались к подолом дети, а старики крестились

Падали на колени, на образа молились...
Солнышко утром встало, люди из дома вышли
Тявкали псы устало, правили люди крыши
А в стороне, у порога клочья холста лежали
Люди забили бога, люди плечами жали...
1986

* * *

Пропустите в мир, стаи волчьи!
Уступите путь, своры гончие!
Разойдись стена черной полночью -
Или дай мне стать лютой сволочью
То ли зверем стать с серой шкурою
То ли омутом с тиной бурюю,
Голодать ли? Жрать?
Быть ли умною, быть ли дурною?
Может, на метлу — и до города,
Где мосты из камня и золота
Помереть ли там
Может, с холоду
Может с голоду...
1986

ПЕЧАЛЬ МОЯ СВЕТЛА

Я повторяю десять раз и снова —
Никто не знает, как же мне хуево
И телевизор с потолка свисает
И как хуево мне никто не знает
Все это до того подзаебало
Что хочется опять начать сначала
Куплет печальный, он такой, что снова
Я повторяю как же мне хуево.

1986

* * *

Наполнилось до краешка ведерко лунной патокой
Полярные подсолнухи под прозрачною радугой
Сияньем южным вылились на узловатой привязи
На загрубевшей простыни окаменевшей гордости
Сквозь узенькое горлышко из ледяной соломинки
Вытягиваем бережно последние глотки
По ситцевому берегу на каблуках отчаяния
По свежему преданию на выгруженных саночках
По теплomu загару источившимся ножом
Вершат дороги странники чужого обещания
Изъезженных параметров прочитанной любви
Гремучие серебряным аккордом украшения
Разубдят обитателей заброшенных палат
Взорвется откровением случайное объятие
Сорвет со стен разводы отсыревших потолков
Отпетой ветром скорости внезапным раскаянием
Простуженные сумерки прольются ожиданием
На страны, зачумленные болотной красотой
Наивные созвездия за медицинской ширмой
Накроет покрывалом мой безвременный уход.
1987

* * *

Волки сыты — овцы целы

Долго красным светом по живым глазам

Дыры по бокам трубы — флейта

Зеленка на царапину — во сне выпадет свежий 'снег

В середине дыра под проволокой — гитара

Полдень — желтые шторы светофора

Четверть утра обратно по ступенькам бредет спать
Стельки смяты, ноги босы
Гол сокол — с двора на кол
Зеркала осколки вон из избы, забор высок
Ворам отпер да дом на слом
Кость вкось в горле горлицы
Мягкое нежное кресло — да ну!
Протравленные волосы сухою травой стелятся
Длинные песни поют к зиме, стало быть
Устала выть в трубе вьюга
Не смогла вырваться из дыр божественным звуком,
стуком в окна подставить руки
Горстями под окурки, горелые спички, смятые
бумажки
и пепел отходы производства бессонных ночей.
Добрее волчица серая — больше овечек убьет для
деток
Охотник ли пристрелит, вожак ли стаи растерзает -
виновата будешь
В степном снежном вечере правда сотнями желтых
огоньков
светится да вьется криком в опрокинутых санях.
Пожар погасить — огонь убить
А стрела мимо — держать ответ перед снайперским
полком на утренней линейке
Молись, грешник, да на часы просматривай
не опоздай на свидание под гитарным перебором
Эх, придется углы срезать по живой траве
Вырастет новая — лето нынче буйное
А к концу ноября — другой коленкор
Снова собирать брошенных котят по вокзалам
Почти стянуло полынью вогнутой линзой
Спите, окуни, у берега теперь пусто
А если кто высунется подышать к проруби,
Увидит одинокий ящик на середине реки,
Забытую рукавицу да следы наискосок

Вышивайте, жены, крестиком по тонкому полотну
Толкуйте, бабушки сны чужим внучкам...
1987

* * *

Ударение на слоге выше прописной строки
Мишка, спрятанный в берлоге, вам напишет от руки
Ночь под лесом так спокойна, так проста его
постель

Равнодушна, как подушка, монотонна, как свирель
Свежесорванного утром календарного листка
Старовыеденных формул о строении желтка
Растворимый серый ежик, что от крепла был рожден
Собирался в гости к другу, да метлою он сметен
Вместе с грустными сверчками и обрывками стихов
Вместе с нотными значками и колонией бычков
Подхватили, закружили и сложили в уголок
Поразмыслив, вокруг кучи очертил квадрат мелок
Встали стенки, села крыша, прилегло к двери
крыльцо

У оконца ежик пишет другу Мише письмецо:
Миша, может будет буря, может рухнет потолок
Может, зря я растерялся, затерявшись в уголок
Может, завтра будет лето, вторник выйдет за
средой
Может, камень обернется родниковой водой...
1987

ХОЛОДИЛЬНИК

(сказка-картинка)

В холодном зале мы смотрим кино.

Ледяной экран из толстого белого инея замораживает наши разноцветные глаза. Мои были теплые, темные, когда я пришла в этот кинотеатр. Теперь они сверкают яркой зеленью и нестерпимо блестят под пушистыми снежными ресницами. Мы смотрим разные цветные картинки одну за другой, и чем больше застывают наши глаза, тем они интересней и красочней.

Заходят новые люди, от них идет пар и мы кричим на них и машем руками, потому как под их теплыми тусклыми взглядами изображение теряет отчетливость и краски, но их глаза быстро покрываются льдом и все встает на свои места. Вот только один ворвался однажды и уставился на экран обжигаящими лучами. Он чуть было все не испортил, он постоянно отогревал лицо маленькой зажигалкой, и от этого мы все едва не лишились нашей забавы.

Пришлось связать ему руки и поставить перед глазами огромную льдинку, которая таяла все медленней, а он все тише кричал, что еще немножко — и растает иней, и мы выйдем на улицу и отогреемся на солнце...

Теперь он сидит в первом ряду и показывает нам самые яркие и красивые картинки.

1987

* * *

Грязь моя такая неведомая, такая невинная
Скажите, что же сегодня по телевизору
А телевизор будешь смотреть козленочком станешь
На сколько хватит терпи, коза
Рожки сточатся капустки дадим
А пока рой копытцем канавку любить-то хочется

Злая она козла полюбишь, когда вода из берегов
пойдет кровью темной с пальцев, содранных
струнами

У Русалочки из хвоста ножки сделала фея
Добра хотела злою ведьмой оказалась
Да неужто на всю жизнь — спросите лекаря ночного
случайного

Как так и будильник вроде вовремя звонит
Полночь, а стрелки врозь — не сойтись им никак
По самый шиворот ворох шуршит бумаги клочьями
По чистому писанных, не между строк да наискось
Сверху красным карандашом
Авансом получи сполна — хорош задаток?
Птица райская с картошкой жареной
Крылья — твои, взамен на рога.
октябрь 1987

* * *

Синим мячиком с горы прочь голова
Разбуди фонарем в глаза безумные
Хлебной крошкой под простыней играет память
Затянет окна лед к концу месяца — к концу октября
Под рок-н-роллов пляс на крышке погреба
Встань в рань пора-та страдная. Спи, брат
Сегодня наша полка вагонная да степи длинные
Заморские страны, пляжи из цветного бисера —
Развесь уши хоть раз
Еще раз туда едем, надев кожаный ремешок на
голову
Вернемся за-полночь по снегу грязному чистыми
ногами
Босыми по зеленым горлышкам бутылок
Смотри, поранишься! Перевяжу кожаным ремешком
твои глаза

Это не стекло, из этом наши бусы, твоя вера
Моя покатила по асфальту год назад в этот день
Не ты ли ее подобрал, когда она сверкнула на
солнце

Один день было солнце — GOOD DAY, SUNSHINE!
На голову горюшко теплой шапочкой
Почем теперь сказочки? По жизни да разуму
Хочешь покупай недорого, любовь — цена красная
По сухой пыли ползу пчелкой бескрылой к маме
Пойдем со мной, девка? заплачу 25? Нет? Сколько?
Да она сумасшедшая, слышите, песенку поет
Харе Кришна, Харе Кришна, Харе Кришна, Харе Харе
Харе Рама...

Видишь, как оно, солнышко-то любить?
Рельсы косыми струнами скрещиваются
Сколько же нас, и все туда?
Не подходи ко мне я заразная, грязная
Я тряпочкой рот прикрою от греха
Махни рукой развеешь дым моих вонючих папирос,
Что глаза так ест, пока еще не до слез
Напьюсь городом чужим с утра
Спи, брат, нету хлеба. Ну ты попробуй уснуть
Вспомни, как мы ловили стрекоз
Там, у реки, вчера
Мы туда вернемся через год
Когда будет солнце.
октябрь 1987

* * *

Я голову несущу на пять корявых кольев
Я крепость возвожу из старых липких карт
Крестьянкой крепостной в края крапивных кровель
По хрупкому хребту, что кренится назад
Сбивая руки в кровь о камень, край и угол,

Заплаты на лице я скрою под чадрой
Границу перейду страны вороньих пугал
Укрыться упрощу за Лысою горой
Кроя крамольный крик кривой кровавой кромкой
В горячий грешный год, грядущему грозя
В поту пытаюсь встать, чтоб испытать потомков
Положено молчать скользя, ползя — Нельзя
Светящихся святых, схвативших свист затвора,
Свалившихся под свод сомнительных свобод
Вас сварит на свечах свиней свирепых свора,
Что с воплями с верхов по-свойски сваи бьет
Тщеславный чуткий червь, чирикающий числа
Чеканит черный час чужих очередей
В чугунных черепах отчаянный нечистый
Считает рычаги начальственных речей
Периметры портов пиратов принимают
Под парой парусов по праву приютить
Порушив парапет, паркеты попирают
Потребовавшие не оправдав, простить
Страданий стадный стон застреманной столицы,
Старушечьих стихов расстроенной струной
Стирает в сотый раз нестертые страницы
Стараньем стукачей, строчащих за стеной
Молчащий миллион немыслимых фамилий
Мелодия молитв, просмоленных молвой
Малиновый мелок на молот заменили
Неровный рвущий рев на равнодушный вой
Контейнеры костей стекают под откосы
Все костыли в костры, кастетом на контакт
Прочтенное письмо порви на папиросы
Фантасмагорий фон под фанатизма факт
Бречание брелков, небритые бродяги
Бретона и Дали далекие борта
Обыденный аборт в обрушенном овраге
Желанных бизнесхем живая красота
Отрадных атрофии отрывки, и как будто

С утра утрачен сон о трудности трюка
От радости утра отринув атрибуты,
Оторопевший страх отрежет от крюка,
На переходе вниз отключит эскалатор
Количество колов скатилось до пяти
Осиновым шестом укреплены плакаты
Со стрелкою, куда свою башку нести.
осень 1987

А.Б.

Засыпаем с чистыми лицами
Среди боя кирпичных судорог
Ночь под искры горящих занавесов
Сон под маскою воска сплывшего
Хвост поджатый в лесу поваленном
Подлой памятью обескровленный
Безответные звезды ясны
Сапогами о камни сбитыми
Да об рельсы подошвой стертою
В голенище кошачьей лапою
Мелким шагом с когтями вжатыми
По двору вдоль забора тянутся
Дружно ищут слабую досточку
Испаряется лед растаявший,
Чтобы завтра упасть на озеро
Им умыться б, да мало времени
Им напиться б, да пить не хочется
Им укрыть малышей от холода
Не успев утонуть у берега
Лед-хрусталь — это очень дорого
Вещмешок, полный синих кубиков
На шнурок, да на шею совести.
сентябрь 1987

Отпусти, пойду. За углом мой дом
Где все ждут, не спят, где открыта дверь,
Где й окно глядят и на шум бегут
На простом столе лампа теплится.
Отпусти, пора. Ждет Печаль — сидит
В печку щепочку бросит склонится,
Вскинет голову — ветер прошумел
Тронет бороду, глянет в сторону
Отпусти, прошу. До угла верста
Пробежать в ночи, не запутаться
У ворот Печаль встанет сгорбленным
Старичком седым да понурится
Отпусти, молю — печка топится
Уголек упал на дощатый пол,
Опрокинулась лампа яркая,
Занялась огнем занавесочка
Отпусти скорей — дом в огне стоит!
Бревна рушатся — искры сыплются,
А печаль бредет, чаёт встретиться
Всем прохожим в глаза заглядывает
Отпусти меня — побегу туда
Он в дыму идет, задыхается,
Пепел по ветру подымается
Да в глаза летит воспаленные
Отпусти, злодей, что ж ты делаешь?!
Подвернулась нога на камушке,
Нету силы встать, чем дышать ему?
Полечу стрелой — может, выживет
Отпусти...
Хорошо теперь — больше никуда
Больше не к кому да и незачем
Так спокойно, ровно и правильно
Все разложено по всем полочкам,

Все развешано по всем вешалкам
Все.
сентябрь 1987

* * *

Страх осколок истины прогнать из пустоты
Дым, что гонит мусор в сторону жилья
Боль железных схваток беззащитных и живых
Смерть от одиночества, вмещающего мир
Ледяные стекла искажающих очков
Паутину простирает и вешать комаров
Желтых волчьих взглядов дулом упереться в грудь
Опустившим руки, что поднявшим руки вверх
Пристрелить ненужных — тех, кто отдал все, что
мог

Полууничтоженных под пятитонный пресс
Недопокалеченному выбить костыли
Недопокареженных — под гусеницы вновь
Трактор остановится — погладить и вздохнуть
Пристально-учтиво плечами пожимать
Вежливо-тактично о здоровье расспросить
Мягкую подушечку под голову покласть
Кошечка мышонку песню спела про любовь.
июль 1987

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕПРЕСНЯК

Кругом души от покаяний
Безысходности без движений
Неподвижности без исходов
Неприятие без воздействий
Нереакция до ухода
Неестественность черных фобий

Легкомыслие битых окон
Светлоглазые боги глохнут,
Заражаясь лежачим танцем
Покрываясь стальной коростой
Будут рыцарями в музеях
Под доспехами тихо-тихо
Из-под мрамора биться долго
Обреченности и колодцы
Подземелья и суициды
Стынут реки и ноги мерзнут
Два шага по чужому асфальту
В край раздробленных откровений
В дом, где нету ни после, ни вместе
В рай без веры и в ад без страха
июнь 1987

* * *

Ждем с небес перемен -
видим петли взамен
Он придет, принесет, Он утешит, спасет
Он поймет, Он простит, ото всех защитит
По заслугам воздаст да за трешку продаст
Будет радость, почет — только встань на учет
В простыне на ветру по росе поутру
От бесплодных идей
до бесплотных гостей
От закрытых дверей
до зарытых зверей
От заткнутых ушей
до толкнутых вшаей
От накрытых столов
до пробитых голов.
1987

АД — КРАЙ

Отдыхай, я молчу, Я внизу, в стороне
Я в краю, где молчат. Я на самом краю
Где-то край, где-то рай, где-то ад, где-то нет
Там где край, так и ад.
Там где рай, так и нет ничего.
Головою в порог — дверь закрой, не смотри
С башни вниз полетишь, если ветер внутри
Если нет, будешь камнем лежать под горой,
Там, где празднуют пир при Луне упыри
Я не знаю теперь — упаду, полечу
Улететь нету сил, а лежать не хочу
Будет ночь — закричу, отвернусь, укачусь,
Разобьюсь все равно до утра
Постучу во все двери
Пройду по местам, где вас нет
Просто так — может, встречу кого по пути
Поклонюсь до земли — головою в порог
В третий раз, раза два мне еще до пяти
До шести еще три — будет срок и в острог
Тяжело здесь лежать, были б силы уйти
Или вниз, или с краю чуть-чуть отойти
Хоть на метр — присесть, посидеть — покурить
Может, дух испустить, может, перевести
Отдыхай, не всегда ведь со мною легко
Я не та, кто я есть — я пока далеко
Я внизу, в стороне, я на самом краю.
июнь 1987

ВЕЧНОЕ УТРО

Ночь исчезает и день не начнется
Вечное утро с красивой зарею

Тянется тестом и не оборвется
Жуткой синкопой в мозгу отдается
Времени лужа в стекло превратилась
Если коснуться, то треснет — растает
С камня гора вверх и вбок покатилась
Камни с холмов — вниз и впрямь
В черной оправе времени линзы
Кто-то картины печатает где-то
Нарисуйте мне сон!
Я подумаю нету рассвета
Я погляжу через синие призмы
Рушится ночь, обрывается леска
Сон неподъемный уходит в глубины
Рваная рана, кривая железка
Кончить — начать тяжело с середины
Если с конца — потемнеют седины
Сколько мне лет?
июнь 1987

* * *

На дворе трава, на траве дрова
Два пустых ведра да в стене дыра
Дверная петля да мокрая землю.
На земле изба, на избе труба
Из трубы дымок, на дверях замок
У дверей песок, да прогнил порог
И травой зарос. У порога пес,
Да облезлый кот у косых ворот
У ворот вода, что течет туда,
где ни дворов, ни дров
ни котов, ни псов,
ни стихов, ни слов...
июнь 1987

* * *

Солнца ржавый штопор в землю ввинченный
Горизонта краешек отколотый
Талый снег уходит через ситечко
Отмывает косточки от золота
Белый холст на серых досках струганных
Синей глиной лесенки помечены
Звездам мы становимся подругами
Навсегда от сил земных излечиваясь
На рассветах серых совы прячутся
Крылья лошадей горят пожарами
Скоро, видно все переиначится
Станут длины мериться гектарами
Вознесутся колья телеграфные
Поползут канаты телефонные
И найдут все странники уставшие
Путь к столбу последнему — поломанному
На столбе — о финише известие
У столба — всем путникам пристанище
Над столбом летает птица вещая,
А за ним — лишь камни да пожарища...
апрель 1987

* * *

Мало слов для стихов, мало веры для слов,
для нее мало снов.
Те кто. знают, молчат, те кто хочет — орут
Кто летит, тот на небо не станет глядеть
Кто сбежал, тот и снят с караульных постов
Кто забыл про часы, не боится минут
Тот, с крылом, не спешит никуда улететь
Мало звуков для струн, мало песен для драк

Он поет он не слушает стука колес
Телефон, что на восемь, вмещает весь свет
А с вокзалов звонит автомат просто так
Кто молчит, те и знают какой-то ответ
Кто орет, тем и нужен какой-то вопрос.
1987

* * *

Будешь светлым лучом,
Рождённым в тени,
Или тенью, родившей луч?
Будешь синим дождём,
упавшим на снег,
Или одной из туч?
Будешь твёрдым звеном
золотой цепи,
Или молотом, кто куёт?
Будешь землёй далекой тропы,
Или тем, кто по ней идет?
Будешь пером в крыле у орла
Или самим орлом?
Будешь каплей в кувшине вина,
Или кувшина дном?
1987

* * *

Перекрестки маятник выкачивает
Развороты механизм выстукивает
Шестерёнок зубчики постачивались
Разлетелись птенчики испуганные
Электронной зеленью подмигивают
На начало осени показывают

С башенок курантами выкрикивают
От пружин воробышки отвязанные
Раскидало их по свету белому
Полиняли серенькие перышки
Из чего какие были сделаны -
Не найти тех циферблатов стёклышки
Серой краской были все покрашены
После ливней засветились радуги
Не успели в дождь попасть отставшие
Оттого бывают птички разные
1987

ПРО ПАУЧКОВ

Пауки в банке
Глядят сквозь стены
Глазами мёртвой стрекозы
Бегут по кругу
По краю криво занесло
Пауки в банке
Искали дыры
Чтобы вскарабкаться наверх
Друг друга жрали
Во рту толчёное стекло
Пауки в банке
Хотели выжить
Через отрезок пустоты
Увидеть солнце
Хватали муху за крыло
Пауки в банке
Смотрели в небо
До края было полчаса
Почти полсилы
А наше время истекло
Пауки в банке

По ветру вечность
А наше время истекло
Пауки в банке
Наше время истекло.
1987

НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

На чёрный день усталый танец пьяных глаз,
дырявых рук

Второй упал, четвертый сел, восьмого вывели на
круг

На провода из-под колес да на три буквы из-под
асфальта

В тихий омут буйной головой

В холодный пот — расходятся круги

Железный конь, защитный цвет, разеные гусеницы
в ряд

Аттракцион для новичков — по кругу лошади летят

А заводной калейдоскоп гремит кривыми зеркалами

Колесо вращается быстрее

Под звуки марша головы долой

Поела моль цветную шаль, на картах тройка и
семерка

Бык хвостом сгоняя мух с тяжелым сердцем лезет в
горку

Лбов бильярдные шары от столкновенья
раскатились

Пополам по обе стороны

Да по углам просторов и широт

А за осколками витрин обрывки праздничных
нарядов

Под полозьями саней живая плоть чужих раскладов

За прилавком попугай из шапки достает билеты

На трамвай до ближнего моста

На вертолёт без окон и дверей
В тихий омут буйной головой
Колесо вращается быстрее.
1987

* * *

Горящим факелом в берлогу — ногу обожгло
Два глаза мелкого калибра целятся насквозь
Четыре лапы на спасенье — когти и клыки
Беги, сынок, скажи, что завтра будет новый день
Медведь выходит на охоту душить собак
За дальним лесом выйдет солнце на новый лад
Сверкнут арканы, сети, плети, суки на цепях
По деревянному помосту тяжело бежать
Промокла шкура под нагайкой — рёв и разворот
Медведь выходит на охоту душить собак.
1987

ДЕКОРАЦИИ

Фальшивый крест на мосту сгорел
Он был из бумаги, он был вчера
Листва упала пустым мешком
Над городом вьюга из разных мест
Великий праздник босых идей
Посеем хлеб, соберем тростник
За сахар в чай заплати головой
Получишь соль на чужой земле
Протяжным воем веселый лай
На заднем фоне горит трава
Расчетной книжкой моё лицо
Сигнал тревоги — ложимся спать
Упрямый сторож глядит вперёд

Рассеяв думы о злой жене
Гремит ключами дремучий лес
Втирает стёкла весёлый чёрт
Смотри с балкона — увидишь мост
Закрой глаза и увидишь крест
Сорви парик и почуешь дым
Запомни, снова горит картон
октябрь 87

СТАИ ЛЕТЯТ

Под руки в степь, в уши о вере
В ноги поклон — стаи летят
К сердцу платок, камень на шее
В горле глоток — может простят
Ленту на грудь столько искали
Сжатые рты — время, вперед
Крест под окном, локти устали
Знамя на штык — козёл в огород
Серый покой, сон под колёса
Вены дрожат — всё налегке
Светлый, босой кукиш у носа
Рядом бежать на поводке!
Вечный огонь — лампы дневные
Тёмный пролёт, шире глаза
Крепкий настой — плачьте, родные
Угол, свеча, стол, образа
Под руки в степь
Стаи летят
Может, простят
август 87

* * *

Мы по колени в ваших голосах
А вы по плечи в наших волосах
Они по локоть в тёмных животах,
А я по шею в гибельных местах
Мы под струёй крутого кипятка,
А вы под звук ударов молотка
Они в тени газетного листка
А я в момент железного щелчка
Мы под прицелом тысяч ваших фраз,
А вы за стенкой, рухнувшей на нас
Они на куче рук, сердец и глаз,
А я по горло в них и в вас и в нас.
август 87

БЕРЕГИСЬ

Мне придется отползать
От объявленья войны на все четыре струны
От узколобой весны во все четыре стены
От подгоревшей еды за все четыре беды
От поколения зла в четыре черных числа.
Накинуть старый мундир, протертый кем-то до дыр
Мне придется обойтись
Без синих сумрачных птиц, без разношёрстных
ресниц
Да переправить с утра что не сложилось вчера
Оставить грязный вагон и продолжать перегон
По неостывшей золе на самодельной метле
Раскинуть руки во сне чтоб не запнуться во тьме
Мне придется променять
Осточертевший обряд на смертоносный снаряд
Скрипучий стул за столом на детский крик за углом
Венок из спутанных роз на депрессивный психоз
Психоделический рай на три засова в сарай
Мне все кричат — Берегись!

Мне все кричат — Берегись!
1987

* * *

Посвящается Ю. Шерстобитовой
Я оставляю ещё полкоролевства
Восемь метров земель тридевятых
На острове вымерших просторечий
Купола из прошлогодней соломы
Я оставляю еще полкоролевства
Камни с короны, два высохших глаза
Скользкий хвостик корабельной крысы
Пятую лапку бродячей дворняжки
Я оставляю еще полкоролевства
Весна за легкомыслие меня накажет
Я вернусь, чтоб постучать в ворота
Протянуть руку за снегом зимой
Я оставляю еще полкоролевства
Без боя, без воя, без грома, без стрёма
Ключи от лаборатории на вахте
Я убираюсь, рассвет в затылок мне дышит
Рассвет пожимает плечами мне в пояс
Рассвет машет рукой
1987

* * *

Только дождь вселенский нас утешит
Только страх реальный нам поможет
Душезаменитель нам спасенье
Мы не вспомним — нас забудут тоже
Наши слезы — камни по макушкам
Акт любви в большой холодной бане

Только ветер в рукавах и шапках
Только дом, в котором очень тихо
Жёлтый мир, которого всё больше
Вечный путь до края и не дальше
Сонный страх проситься со слезами
Очень просто в море тонет остров
Очень верно, если безответно
Очень в точку, если в одиночку
июль 87

ОСОБЫЙ РЕЗОН

По перекошенным ртам продравшим веки кротам
Видна ошибка ростка
По близоруким глазам не веря глупым слезам
Ползет конвейер песка
Пока не вспомнит рука, дрожит кастет у виска
Зовёт косая доска
Я у дверного глазка
Под каблуком потолка
У входа было яйцо или крутое словцо
Я обращаю лицо
Кошмаром дёрнулся сон — новорожденный масон
Поёт со мной в унисон
Крылатый ветер вдали
Верхушки скал опалил
А здесь ласкает газон
На то особой резон
На то особой отдел, на то особый режим
На то особой резон
Проникший в щели конвой заклеит окна травой
Нас поведут на убой
Перекрестится герой, шагнёт в раздвинутый строй
Вперёд за Родину в бой
И сгинут злые враги кто не надел сапоги

Кто не простился с собой
Кто не покончил с собой
Всех поведут на убой
На то особый отдел, на то особой режим
На то особой резон
1987

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

Не догонишь — не поймаешь, не догнал — не
воровали

Без труда не выбьешь зубы, не продашь, не наебёшь
Эту песню не задушишь, не убьёшь

Дом горит — козёл не видит

Дом горит — козёл не знает,

Что козлом на свет родился

За козла и отвечать

Гори, гори ясно чтобы не погасло

На дороге я валялась, грязь слезами разбавляла

Разорвали нову юбку да заткнули ею рот

Славься, великий рабочий народ

Непобедимый могучий народ

Дом горит — козёл не видит

Он напился и подрался

Он не помнит, кто кого

Козлом впервые обозвал

Гори, гори ясно чтобы не погасло

Лейся, песня, на просторе, залетай в печные трубы

Рожки-ножки чёрным дымом по красавице земле

Солнышко смеется громким красным смехом

Гори, гори ясно, чтобы не погасло

1988

* * *

Столетний дождь
Резиновый сапог в сыром песке
Глаза стоят на ржавом потолке
Истрачен сгоряча веселый бред
Сцепились хохоча колечки бед
Столетний дождь
Над пропастью весны собрались сны
И ранние глотки большой тоски
Ногтями по стене скребет апрель
Как будто за стеной растут цветы
Как будто их увидеть с высоты
Столетний дождь
Сто лет прожили мы — готов обед
Из мыльных пузырей сырого дня
Из косточек разгаданных стихов
Просоленный кристаллами огня
Столетний дождь
По тихой полосе бредут слова
И рушится измятая листва
Исполнен предпоследний приговор
Все взносы за апрель вознесены
И сны висят над прорубью весны
Столетний дождь
Столетний дождь.
1988

РИЖСКАЯ

А ты кидай свои слова в мою прорубь
Ты кидай свои ножи в мои двери
Свой горох кидай горстями в мои стены
Свои зёрна в зараженную почву
На переломанных кустах клочья флагов
На перебитых фонарях обрывки петель
На обесцвеченных глазах мутные стёкла

На обмороженной земле белые камни
Кидай свой бисер перед вздёрнутым рылом
Кидай пустые кошельки на дорогу
Кидай монеты в полосатые кепки
Свои песни в распростёртую пропасть
В моем углу засохший хлеб и тараканы
В моей дыре цветные краски и голос
В моей крови песок мешается с грязью
А на матрасе позапрошлые руки
А за дверями роют ямы для деревьев
Стреляют детки из рогатки по кошкам
А кошки плачут и кричат во всё горло
Кошки падают в пустые колодцы
А ты кидай свои слова в мою прорубь
Ты кидай свои ножи в мои двери
Свой горох кидай горстями в мои стены
1988

ПО ТРАМВАЙНЫМ РЕЛЬСАМ

А мы пойдем с тобою погуляем по трамвайным
рельсам
Посидим на трубах у начала кольцевой дороги
Нашим теплым ветром будет черный дым с трубы
завода
Путеводною звездой будет желтая тарелка
светофора
Если нам удастся, мы до ночи не вернемся в клетку
Мы должны уметь за две секунды зарываться в
землю
Чтоб остаться там лежать когда по нам поедут
серые машины
Увозя с собою тех кто не умел и не хотел в грязи
валяться

Если мы успеем мы продолжим путь ползком по
шпалам

Ты увидишь небо, я увижу землю на твоих подошвах
Надо будет сжечь в печи одежду, если мы вернемся
Если нас не встретят на пороге синие фуражки
Если встретят, ты молчи, что мы гуляли по
трамвайным рельсам

Это первый признак преступления или шизофрении
А с портрета будет улыбаться нам железный Феликс
Это будет очень долго, это будет справедливым
Наказанием за то, что мы гуляли по трамвайным
рельсам

Справедливым наказаньем за прогулки по
трамвайным рельсам

Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по
трамвайным рельсам

1988

ДОМОЙ!

Нелепая гармония пустого шара
Заполнит промежутки мертвой водой
Через заснеженные комнаты и дым
Протянет палец и покажет нам на двери отсюда
Домой!

От этих каменных систем
В распухших головах
Теоретических пророков
Напечатанных богов
От всей сверкающей, звенящей и пылающей хуйни
Домой!

По этажам по коридорам лишь бумажный ветер
Забивает по карманам смятые рубли
Сметает в кучи пыль и тряпки, смех и слезы, горе —
радость

Плюс на минус даёт освобождение
Домой!
От голода и ветра
От холодного ума
От электрического смеха
Безусловного рефлекса
От всех рождений и смертей, перерождений и
смертей
Домой!
За какие такие грехи задаваться вопросом
Зачем и зачем и зачем и зачем и зачем и зачем
1988

ЧУЖОЙ ДОМ

Край, сияние, страх
Чужой дом
По дороге в сгоревший проем
Торопливых шагов суета
Стерла имя и завтрашний день
Стерла имя и день
Через час оживу разноцветной рекой
Под дождём
Мелким ветром пройду над живой темнотой
Лай, сияние, страх
Чужой дом
Управляемый зверь у дверей
На чужом языке говорит
И ему не нужна моя речь
Отпустите меня
Я оставлю свой голос, свой вымерший лес
Свой приют
Чтобы чистые руки увидеть во сне
Смерть, сияние, страх
Чужой дом

Всё по правилам, всё по местам
Боевая ничья до поры
Остановит часы и слова
Отпустите меня
1988

ДЕКЛАССИРОВАННЫМ ЭЛЕМЕНТАМ

Деклассированных элементов первый ряд
Им по первому по классу надо выдать всё
Первым классом школы жизни будет им тюрьма
А к восьмому их посмертно примут в комсомол
В десяти шагах отсюда светофор мигал
Жёлтым светом в две минуты на конец дождям
А в подземном переходе влево поворот
А в подземном коридоре гаснут фонари
Коридором еж заборов через труп веков
Через годы и бурьяны, через труд отцов
Через выстрелы и взрывы, через пустоту
В две минуты изловчиться, проскочить версту
По колючему пунктиру, по глазам вождей
Там наруже мёртвой стужей по слезам дождей
По приказу бить заразу из подземных дыр
По великому навету строить старый мир
Деклассированных элементов первый ряд
Им по первому по классу надо выдать всё
Первым классом школы жизни будет им тюрьма
А к восьмому их посмертно примут в комсомол
1988

ОТ БОЛЬШОГО УМА

От большого ума лишь сума да тюрьма
От лихой головы лишь канавы и рвы

От красивой души только струпья и вши
От вселенской любви только морды в крови
В простыне на ветру по росе поутру
От бесплодных идей до бесплотных гостей
От закрытых дверей до зарытых зверей
От накрытых столов до пробитых голов
Параллельно пути чёрный спутник летит
Он утешит, спасет — он нам покой принесет
Под шершавым крылом ночь за круглым столом
Красно-белый плакат — «Эх, заводи самокат!»
Собирайся, народ, на бессмысленный сход
На всемирный совет — как обставить нам наш бред
Вклинить волю свою в идиотском краю
Посидеть, помолчать да по столу постучать
Ведь от большого ума лишь сума да тюрьма
От лихой головы лишь канавы и рвы...
1988

ДО

Раскалённый кровельный лист
Мяч огня по ровному полю
Красный, краткий как выдох
Короткий, как восход,
Из вагона, остановившегося утром, выход
Кроткий, как чёрт знает что
Это — «до».
То, что до — это догма, догон
Дорога в проекции на карту
Мастью пик, часом коменданта
Погон в пыли, движение плечом
Дворянские слезы пьяные
На садовых скамейках столетних букетов
В черно-белом подпрыгивающем
В прозрачно-голубом подрагивающем

Изображении — нет, не зеркало
Закон. Закат.
Самодельная схема по-короткому
Отказывает предохранитель -
Не обязан служить
Ничего не должен
Никто и никому
Ни рубля ни пары платков
Тем более
Тень тонет меж землей и стеной
Уходит в угол молчать
Это — до.

ДО — это такой зверь, который жил давно-давно. У него были крылья и быстрые ноги, а может быть даже и рога. Он был очень страшный или наоборот очень красивый, и те, кто встречали его, теряли память и всю жизнь потом помнили только ДО.

Определение предела (\lim до $\rightarrow \infty$)

Формула по форме

По сути суть

По правде — Ха!

По правде всего лишь оправдание

Того, что было хоть чем-то

Что было ДО.

По снегу полосы от полозьев

Везли на санях кого-то

Если идти по ним, можно узнать — кого.

До — это такое дерево

На нем никогда не было зелёных листьев

Никогда.

Но на его ветках всегда, круглый год были такие
большие

и живые почки,

Что казалось, они распустятся вот-вот

Они просто не могут не распуститься!!!

О, это было удивительное дерево.

Долгое До на низах долбит
До — это не музыка -
Это бубен и круговой костер
Какая уж тут музыка
Одному Богу известно.
Дом на сваях, вода кругом
А он стоит — до сих пор
Это тоже До
Сих пор нет.
До — это такая страна была
Ее сейчас нет, потому что
Все, кто там жил, уже умерли.
Вот и всё.
1988

Я СТЕРВЕНЕЮ

Я неуклонно стервенею
С каждым смехом, с каждой ночью, с каждым
выпитым стаканом
Я заколачиваю двери
Отпускаю злых голодных псов с цепей на волю
Некуда деваться — нам остались только сбитые
коленки
Я неуклонно стервенею с каждым разом
Я обучаюсь быть железным
Продолжением ствола, началом у плеча приклада
Сядь если хочешь
Посиди со мною рядышком на лавочке — покурим
глядя в землю
Некуда деваться — нам достались только грязные
дороги
Я неуклонно стервенею с каждым часом
Я неуклонно стервенею

С каждой шапкой милицейской с каждой норковой шапкой

Здесь не кончается весна не продолжается детство
Некуда деваться — нам остались только сны и разговоры

Я неуклонно стервенею с каждым шагом
Я неуклонно стервенею с каждым разом
Я неуклонно стервенею с каждым часом.
1988

* * *

Раскрутили — разворотили — разболтали в стакане
Рассеяли — развеяли зелёным дымом
Бездонные — бездомные — бездольные
В бездну через дым — боль
Сорванные с петель открылись раны
На небо, под землю живыми глазами
Подколесной тряской открыли движение
Тряска — мясорубка
Не собрать костей под июльским солнцем
Не раскинуть веером на «любит — не любит»
Столетний дождь
Маленький красный кусочек
На фоне иссиня-черном
На краешке остром
Без звука, без шага, без вздоха
Уцепившись, за тросик ребячей ненависти
На лезвие общественного мнения
На острие разгаданных снов
На дно собрался, а через лёд — как оно?
Через толстый февраль високосный
Сквозь октябрьский дым
На лед на коньках пьяного оптимизма
Провалишься!!!.. А, хуйня!..

Простудишься только
Прогреешься у костра из бумаги
Линованой, неписаной — аутодафе
Аутодафе под июльским солнцем
Через увеличительное стекло
Наших лучших, наших «самых»
Промозглые истины
Нечем прикрыть обнаженную боль
Не к чему привязать — радуйся — свобода!
No future — здесь и сейчас
Бритые камеры — палаты — потом
Сейчас — счастье
1988

АНГЕДОНИЯ

Короткая спинка — судьба возвращаться на Родину
По первому снегу по рыжей крови на тропе
Жрать хвою прошлогоднюю горькую горькую
горькую
На сбитый затылками лед насыпать золотые пески
Святые пустые места это в небо с моста
Это давка на транспорт по горло забитый тоской
Изначальный конец
Голова не пролазит в стакан
А в восемь утра кровь из пальца анализ для граждан
Осевшая грязь допустимый процент для работ
Сырой «беломор» ёлки-палки дырявые валенки
Ножи в голенищах и мелочь звенит звенит звенит
А слепой у окна сочиняет небесный мотив
Счастливый слепой учит птичку под скрипочку петь
Узаконенный вор
Попроси — он ключи оставляет в залог
Ангедония диагноз отсутствия радости
Антивоенная армия антипожарный огонь

Сатанеющий третьеклассник во взрослой пилотке со звездочкой

Повесил щенка подрастает надежный солдат

А слабо переставить местами забвенье и боль

Слабо до утра заблудиться в лесу и заснуть

Забинтованный кайф

Заболоченный микрорайон

Рассыпать живые цветы по холодному кафелю

Убили меня значит надо выдумывать месть

История любить героев история ждет тебя

За каждым углом с верным средством от всех неудач

Как бы так за столом при свечах рассказать про любовь

Как бы взять так и вспомнить что нужно прощенья просить

Православная пыль

Ориентиры на свет соляные столбы

Жрать хвою прошлогоднюю горькую горькую горькую

Ангедония.

1989

НЮРКИНА ПЕСНЯ

Разложила девка тряпки на полу

Раскидала карты-крести по углам

Потеряла девка радость по весне

Позабыла серьги-бусы по гостям

По глазам колючей пылью белый свет

По ушам фальшивой трелью белый стих

По полям дырявой шалью белый снег

По утрам усталой молью белый сон

Развернулась бабской правдою стена

Разревелась-раскачалась тишина

По чужим простым словам как по рукам
По подставленным ногам — по головам
А в потресканом стакане старый чай
Не хватило для разлёту старых дел
Фотографии — там звездочки и сны
Как же сделать, чтоб всем было хорошо
Всё, что было — всё, что помнила сама
Смёл котейка с подоконника хвостом
Приносили женихи коньячок
Объясняли женихи — что почем
Кто под форточкой сидит — отгоняй
Ночью холод разогнался с Оби
Вспоминай почаще солнышко своё
То не ветер ветку клонит
Не дубравушка шумит...
1989

* * *

Неволя руками под плоской доской
По швам по бокам земля под щекой
Песок на зубах, привязанный страх
Им брошена тень на ветхий плетень
На серый сарай, на сгнивший порог
Там преданный рай, там проданный рок
Седьмая вода, седьмая беда
Опять не одна до самого дна
До самого дна по стенам крюки
На них червяки у них имена
У края доски застывшей реки
С наклоном руки с красной строки
У берега лед — сажай вертолет
Нам некуда сесть, попробуем здесь
На куче имен под шорох знамён
На тонкую сеть прозрачных времён

Неволя рукам по швам по бокам
Под плоской доской
Кто ты такой.
1989

ПРОДАНО

Коммерчески успешно принародно подыхать
О камни разбивать фотогеничное лицо
Просить по-человечески, заглядывать в глаза
Добрым прохожим
О, продана смерть моя продана
Украсить интерьеры и повиснуть на стене
Нарушить геометрию квадратных потолков
В сверкающих обоях вбиться голым кирпичом
Тенью бездомной
О, продана тень моя продана
Иду я на веревочке вздыхаю на ходу
Доска моя кончается сейчас я упаду
Под ноги под колеса под тяжелый молоток
Всё с молотка
О, продана смерть моя продана
Подмигивает весело трехцветный светофор
И вдаль несется песенка ветрам наперекор
И радоваться солнышку и дождичку в четверг
Жить-поживать
О, продана смерть моя продана
Коммерчески успешно принародно подыхать
О камни разбивать фотогеничное лицо
Просить по-человечески, заглядывать в глаза
Добрым прохожим
О, продана смерть моя.
1989

КРЕСТОМ И НУЛЕМ

Крестом и нулём запечатанный северный день
Похожий на замкнутый в стенах семейный скандал
Рассыпалось слово на иглы и тонкую жесть
А злая метель обязала плясать на костре
Столетней бессонницей в горле гудят провода
Болят голова это просто болят голова
А вот и цена и весна и кровать и стена
А вот чудеса, небеса, голоса и глаза
Чужая дорога неверною левой рукой
Крестом зачеркнула нулём обвела по краям
А я почему-то стою и смотрю до сих пор
Как многоэтажный полёт зарывается в снег
Истлевшая осень золой на осколках зубов
Конечную степень усталости меряет ночь
Болят голова это просто болят голова
Стоять и смотреть это просто простить и молчать
Крестом и нулём разрешились пустые места
В безвременном доме за разумом грохнула дверь
Рассыпалось слово на иглы и тонкую жесть
А злая метель обязала плясать на костре.
1989

* * *

По свинцовому покою глубины моей
Нерастраченных страдании темно-синих дней
По шершавому бетону на коленях вниз
Разлететься, разогнаться — высота, карниз
Зацепившись отраженьем из зеркальных дыр
Окунуться в ожиданье нежилых квартир
Из-под темного покрова сизых облаков
Выползать на свет унылый мягких светлячков

Разобраться в колеснице долгого огня
Расстараться — отоспаться за стеною Дня
За чертою отлетевших просветленных душ
За глазами с пятками круга не нарушь
Не разбей стакан с последней пресною водой
Не пролей слезы нарочной над моей бедой
Не разглядывай пугливо непонятных птиц
Погляди на обнаженный блеск колесных спиц
Погляди, махни рукою, слабо улыбнись
Отойди, постой в сторонке, к лесу обернись
Забери с собою небо в крапинках утра
Заверни в свое дыханье — нам уже пора
Уходить за перелески проливным дождем
Оставляя за плечами беспокойный дом
Обрывать последний стебель красного цветка
Забывать о чистом звоне свежего глотка.
1989

* * *

На берегу размытой боли
Звенят набатом зубы о край гранёного стакана.
Перегибается пружина тугой цепи -
Об угол трется — впивается ошейник в тело
доверчивой трехногой псины — хозяин близок,
не укусишь его локтя.
Щенок бродячий летит к стене.
Ты уползаешь под нервный хохот ржавой стали
Завыть нельзя
Нельзя забыть и заклинание
Слова поспешно разбегаются, как сны
от телефонного звонка
Как будто утро — поезд в гору
Замедлены сердцебиения

Крадется день в носках дырявых по мёрзлой
лестнице подъезда

Стреляют в небо взбесившиеся за ночь пальцы,
Хватаются за край рубахи у ворота, где медный
крест

За тонкой стенкой огонь и пыль сухих дорог
Вот-вот готова вспыхнуть куча тетрадных листьев
Липким ликом смеется солнце на картинке из
детской книжки про любовь, которую не растерзать
словами

И затихает под струйками твоей крови
Она бежит ко мне под дверь
И тихо шепчет — я живая
И я пришла предупредить — идёт твой суд
В закрытом зале — в открытом поле
Вставай — ложись лицом к сырой земле
Внимай — закрой руками уши
Молчи — залейся дикой песней и слезами
Садись — вставай и уходи
Под приговором красной змейкой
Ложится в угол твое Имя.
Щенок дрожащий засыпает
на коленях хозяйской Матери седой.
Прости. Спасибо. Будем жить.
1989

* * *

Неясный свет через метель и луч
Через полет безумных тонких рук
Пробился до зовущего Чего-то
Приподняло и понесло во тьме
Через дыханье в гибкой тишине
И грохнуло о крашенные доски,
Где на коленях в четырёх стенах

Творю молитву, глаз не закрывая
Чтоб разрешили строчки записать
Чтоб не пронзили головною болью
И мокрыми ногами не шагать
По тающим снегам ещё хоть несколько часов
Чтоб сразу не прикончили поток
Плотиной пробуждения на суше
Чтоб по фамилиям не выкликали души
На рынке Дня; чтоб выдержал листок
Боль едкой капли — ни роса, ни слезы
Через моих ладоней решето сочтется вниз
И бьется у порога
На тысячи сверкающих миров
На миллионы ранящих осколков
И тянет нить
Со шпиля моего эгоцентризма до входа в Храм
И каждый шаг на месте — звон струны
И я хожу по струнке верх и вниз
Помножив зов Туда на зов Оттуда
Кидаюсь под мерцающий клинок,
Держась за рукоятку, как за воздух
Цепляются в падении когтями
С карниза оступившиеся коши — полет и крик...
...А кто-то растворился во Вселенной
и Богом стал, но кто же вам сказал.
Что всем туда же?
1989

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ФОН ИЛИ СЛОВО ПРО СЛОВА

Федяю

Учи молчанием

В слове соль и стекла осколками впиваются в живое

У «говорить» есть собрат: «воровать»

Посметь сказать, а значит посмеяться

Над тем, что было нашим и чужим
Над тем, что было свежим и живым
Наутро я уйду в другие смыслы
Глубоким будет глупый таз с водой
Уйдет со мной и голос голых веток
Воспетый и забытый
Нам нужно выжить
Выжить из ума
Как выйти из кольца, из окружения
Как выйти из пылающего дома
Перед костром по росту построение
Тоскующих по месту под мостом
Стреляющих в упор по представлению о жалости:
Животворящей смертью по суете постылых
ситуаций

По выходам и выводам
Мы входим вами, а назад выводят
А я желаю выйти, хлопнув дверью
Как нагрубив учительнице в школе
Врубаясь в невиданную круть
А я желаю, чтобы все смеялись
Когда я громко хлопаюсь на пузу
Ведь «посмеяться» есть «посметь сказать»
Плети рука веревочки из знаков
Они не помнят, что они хотели
Свиваясь в петельки из нас изобразить
И от каких недугов исцелить
Являясь снадобьем когда-то
Срок годности давно истек
А мы в надежде
На счастье — понимание (на здоровье)
Глотаем яд в таблетках пожелтевших
Терзать слова — шаги к шизофрении
Я с мазохистским кайфом
Расчленяю свои трупещущие умопостроения
Глубокий таз с водой — какой он глупый:

А может, я хуёвый не настолько,
Чтобы об этом мне не говорить
Лечи молчанием
1989

ЗАУПОКОЙНЫЙ РОН-Н-РОЛЛ

Время рассудило
Похвалила суета за календарь без выходных
Синяя бутылка
Покатилась по щекам остановилась замерла.
1989

* * *

И не жарко, и не жалко
И не елка и не палка
И не мыло и не мало
Не Фома и не Ерема.
1989

* * *

Столб боли стёб вместо воли-неволи
Вдоль берега винтики-гайки лопасти кости
С тем кланяюсь низко с чем очи — долою
Вниз радости — рельсы рук в мирное небо
Страх вышел по скоростям в первую тройку
В бровь целятся птицы в грязь падают носом
Лиственные леса в море по горло
Жизнь рубит с хвоста теплой волною
Так входит любовь штопором в спину
Так крутит кишки логика яда

Концептуальный обед щами с лаптями
Лыко не вяжет внутри кровь с кислородом
Пыль села в углу на старый диванчик
Боль встала столбом у изголовья
Ух, классно лежать не шевелиться
Ух, классно бежать не спотыкаться
Спит маленький кот рядом с большим
Спи маленький кот не просыпайся
Я рядом с тобою в серенькой шкурке
Я уползу под диван влезу на столбик
Я прыгну оттуда хищной зверюшкой
Я прыгну оттуда сереньким тигром
Я прыгну оттуда откуда не скачут
Я прыгну оттуда куда не вернуться
Я прыгну оттуда где я поселился
В серенькой шкурке.
1989

* * *

По стреднестатистическому кругу
туда по эскалатору
А обратно по веревочке
Траектория петли
Над всякими там красотами
высотами, пустотами и нечистотами.
1989

* * *

Между взглядом и ладонями
Вспышки выстрелы в упор локтей в колени
В укор зелени утренней
Утрамбованной теми же коленями локтями

Радость брошенная каменоломня
Где сквозь порог трава проросла
Трава жестокая сибирская
Камышовыми кольями
Кольями в спину, колонна по два к горизонту
Пролилась
Город этапом навстречу...
1989

* * *

Светлая такая дрянь
Тонкие волны по ногам
Хлопаю в ладоши под водой
Аплодирую проявлениям искусства
Царапина по негативу
Все лица разделила на шрамы
Жизнь ножом по кускам, чего — куда
Молодость на ломаки ломтями
Целое — на цены, поцелуи и социум
Траву весеннюю на песни
Дорогу на месяцы
Поле на вдоль и поперек
Шило на мыло, мешок и кота
Просто на балконе стоять и туман нюхать
На умное, на нужное, на глупое, на вечное, на
целое,
на лыко да мочало.
1989

* * *

Катится всё в пропасть
По всем статьям колесишки скрипят

Куда-то в смерть
Все черти покупают бухло
Скоро Праздник в Тартарах
А я курить бросаю
А то голова стала болеть и сплю плохо
Снится всякая всячина, просыпаюсь часто
Закуриваю, а потом уснуть долго не могу
Не высыпаюсь, стал всем грубить
А друг у меня есть — он футбол
любит смотреть по телевизору
Как гол забьют, он кричит, по коленкам себя
хлопает
Переживает.
1989

* * *

Сижу в серой рубахе
Смотрю в окно
Цивилизованная Россия мать земля
Трагические формы
Формулы и знаки
Знание и зло
Злачные города
Гордые такие таксисты с музыкой
В серой рубахе не жарко
Не жалко Родину.
1989

* * *

Это звёзды падают с неба
Окурками с верхних этажей.
1989

* * *

Пустошь — ветошь звонкий дым
Просинь — проседь просто грязь
Зависть — повесть в два листа
По дороге наугад
Дервяшка восемь струн
Кто играет тот дристан
Ливень — лошадь — водоем
Безболезненный укол
Кол осиновый в песок
Залечили пустоту
Залатали ручеек
Крепко сшили берега
Слякоть — мякоть просто дождь
Поливает чистый лист
Расцепляет волокно
Горизонтом рыба-кит
Пробирается домой
Свечки — спички — огоньки...
1989

* * *

После облома после аборта
Прощаются руки со струнами
Тянутся провода, гудят
Мелкие пальцы на кафеле
Рассыпались стуком
Корявая улыбка выжженная степь
Многоэтажная радость — очень много света
Очень много яркого света
Электронная зелень квадратами вокруг
Соленая ржавчина

Взглядом навывлет, наугад
Стоптанные слова
Слова — валенки в лужах
Стоят, смотрят, ждут
Отапливаемых помещений
Оплачиваемых обещаний
Серые картонные лица
Падают неловко на асфальт
Каплями
Нелепый удел — не у дел
Ни кола, ни двора
Мыло, спички...
Время врет, всё не так
Всё как было, да?
Да, все как было
Очень многозначительно и молча с достоинством
Почти как живопись
Высоко-о-о...
Лифт сломался
Сорвался суицид — пешком пойдешь — успеешь
обломаться
Тяжелые шаги по лестнице
Газета в ящике, ключи в двери, свет в коридоре
А вот если так, то вот так
А не так, ну может и так, хотя, нет, наверное, все-
таки
вот как, а это как посмотреть, да так получается
Так как-то всё, а—Я только хотел
Да нет, подожди, подожди, подожди, подожди
Эх, да чего там
1989

* * *

Вот сижу я, такая баба

И думаю, что не такая вовсе
Даже не думаю, а стараюсь знать
В газету завёрнутый огурец в конце февраля
Парниковый, наверное
Да по башке мне фаллическим символом
Да опять не моё
Научили: ни украсть, ни покараулить
Это чувак один научил
А я смеялся и запомнил поэтому
А чувака жалко, он сейчас такой коричневый, мне
сказали
И молчит — жрёт мепробамат
А я думал, что зелёный я — голова кружилась
А оказалось — ничего
Вот так и то не я умею
Зато ещё могу, а если бы я, то всё бы.
Да и так всё уже.
1989

ВЫШЕ НОГИ ОТ ЗЕМЛИ

Ожидало поле ягоды
Ожидало море погоды
Рассыпалось человечеством -
Просыпалось одиночеством
Незасеянная пашенка
Недостроенная башенка
Только узенькая досточка
Только беленькая косточка
Незавязанная ленточка
Недоношенная доченька
Обвязала белой ниточкой
Обмотала светлым волосом
И оставила до времени
Вместе с вымытыми окнами

Вместе с выцветшими красками
Вместе с высохшими глазками
С огородным горем луковым
С благородным раем маковым
Очень страшно засыпать.
Было да гнильем поросло
Времечко само по себе
Верная в болоте вода
Постная как грех на заре
Понеслась по кочкам метла
Поплыли туманы над рекой
Утонуло мыло в грязи
Обломался весь банный день
Значит будем в игры играть
Раз-два — выше ноги от земли
Кто успел — тому помирать
Кто остался — тот и дурачок
Обманули дурачка
Обманули дурачка
Выше ноги от земли
Выше ноги от земли
Самый правильный закон завязал
Изначальную главу в узелок
И до треска потянул за концы
Прорубай — не прорубай — не понять
Светопреставление
А глумливое пророчество
Настоящим заверяется
Все проверено все сходится
Даже сказочка хуевая
Сослужила службу — слушали
И качали головами в такт
И пускали светлый дым в потолок
Только сказочка хуевая
И конец у нее не правильный
Змей-Горыныч всех убил и съел

Обманули дурачка
Обманули дурачка
Самолет нас заберет в полет
В темноте пинать резиновое солнышко
Выше ноги от земли
Выше ноги от земли
Озаглавилась весна топором
Успокоилась река декабрем
Утро одиноким выстрелом...
Ожидало поле ягоды
Ожидало море погоды...
1990

ПРО ЧЁРТИКОВ

Боль цветущими кустами чертит кругом райский сад
Волки воют, ветер носит, черти знают, черти спят
Им под утро с новой смены котлован рогами рыть
Деревянными щитами укреплять откосы
Как рогами по воротам, как ногами по бокам
Хлебом-солью по болотам, киселем по берегам
За рекой пятиэтажка, снизу — винный магазин
Вон мужик в зеленой куртке — он как раз туда идет
Брось на ветер две копейки — упадут они орлом
Двух орлов склевали куры — заболели животом
Так решились все заботы, так узнали что к чему
По чему да по капусте ползал белый червячок.
Ползал белый пароходик по бездонной глубине
Глазки в круглые окошки — ишь ты чайки вот дают!
Ух ты солнечные рыбки! — только кружится башка
Только кажется, что будет дальше — больше.
Дальше — больше дальше — ближе от начала до
конца
Ты кончай такие штуки ты давай не подыхай
Мы с тобой увидим скоро как рождается земля

Новой каменной породой, новой эрой, первым днем
Ишь ты классные игрушки тетяка в сумочке несет
А ребеночек в больнице помирает ведь помрет
Он объелся белым светом, улыбнулся и пошел
Он не понял, что по правде-то все очень хорошо
Эй, оторванный да брошенный отрезанный ломоть -
Через ломанные зубы прорывается:.....
Ни к обеду, ни к столу, ни к высокому престолу
Ни к позорному столбу, ни к пограничной полосе.
Волки воют, ветры дуют, черти носят, люди спят
Боль зелеными кустами украшает райский сад.
1990

* * *

На дороге пятак — руки дернулись вверх
Кто-то плюнул в песок — покатилося шаром
Собирать на себя — чтоб хватило на всех
Все дороги узлом — все узлы топором
Проканает и так — узел в пыль на войну
На лету подхватил — унесу под крыльцо
Не отдам никому — закопаю в углу
Положу сверху камешек за пазуху
Карусель разнесло по цепочке за час
Всех известий — пиздец да весна началась
Горевать — не гореть, горевать — не взрывать
Убивать хоронить горевать забывать
Побежал задохнулся запнулся упал
Увидал белый снег сквозь бетонный забор
Чудеса да как леший бродил по лесам
Вон из рук все бросай да кидайся к дверям
Все полы все углы подмели языки
Не разулся у входа пришел ночевать
До утра провалялся в аду да в бреду
А к утру провалился к паршивым чертям

С виду ложь — с гуся кровь побежит со щеки
Ни пропить ни пропеть ни слепить черепки
Ни крестов ни сердец все злодейская масть
Убивать хоронить горевать забывать
Поливает дождем первородная мысль
Размывает дорожки — гляди, разошлись
В темноте все в одну, всё одно к одному
Не мешает другому лицу всё к лицу
Всё к лицу подлицу как родному отцу
Не рассказывай, батя, и так все пройдет
Чередой дочерей, всем раздеться — лежать
Убивать хоронить горевать забывать
Побежали глаза по стволам по рядам
Покатилось лицо по камням по следам
Безразмерной дырой укрывая траву
Насовсем позабыть — разузнать да уснуть
Только солнечный свет на просветах пружин
Переломанный лес на проломах дверей
Несгибаемый ужас с изгибах коленей
В поклон до могил деревянным цветам
Побежали глаза по стволам по рядам
Покатилось лицо по камням по следам
Безразмерной дырой укрывая траву
Насовсем позабыть...
1990

* * *

Вырос дуб Я тебя люблю
Вынес стол И тебя
Вот и пойми.
1991

* * *

Солнышко мое прозрачное!
Уголь — Золушка
Разбуди меня в полночь
Дурачка бескозырного
Клен с бельевой веревочкой
Ладонь самозваная
Поле в клеточку
Фигу в книжечку
Клен — барабан
Голый выстоит
Голос выкатит
«Было — не было» — небо выбило
Зиму выбрало ноябрем.
январь 1991

* * *

Торопился -
Оказался.
Отказался -
Утопился.
Огляделся -
Никого.
1991

* * *

До Китая пешком рукой подать
Три ручья зазвенели в три рубля
Я такой же как дым стою столбом
Где федорино горе в городах
Пляшут рыбы любуясь на людей
И заплакали блюдца — не лучше ль вернуться
Почему зачем для чего для кого

Недобитый фонарь летит под лед
Так уводят коней за край земли
Это песня про пыльную полынь
Это песня про вольную войну
Над Уралом над золотом золой
Черный ворон и белая ворона
Это песня про голос и гололед
Это песня про черную любовь
Приходи ночевать
Остынет день
Бестолковый огонь оставит дом
Приходи ночевать...
1991

ПРИДЕТ ВОДА

Придет вода
Придет вода
Да так и будет — чего б не жить дуракам
Чего б жалеть по утрам — боль на педаль
В ладошки бить по щекам — соль на мозоль
По пояс плыть по снегам — да разве жаль
Стеной на стену, углом-ребром
Спиной к стене в углу да гвоздем
Карябал мат
Вопрос-ответ был ли бит — будет медаль
Был ветер гром под столом — будет постель
Я буду спать.
Придет вода
Слиняли празднички — в одной воде стирали
Сыпь порошок в другой стакан
Придет вода
Придет вода
По той воде пузырьки — над нею радуги-мосты

Чего б не ждаты дуракам — зима да лето одного
цвета

Зима да лето одного цвета.

А по весне на стене вырастут волосы

Да как же так

Все книжки без корешков

Вся рыба без костей

Придет вода

Придет вода

Чего б не жить

Ломать башку на бегу — летать на крылышках из
бинтов

Лепить из снега дружков да продавать по рублю

Искать иголки в стогах -

Найдется в сене игла-змея

Иголка — змейка

Не сохнет сено в моей рыжей башке

Недохнет тело в моем драном мешке

Не сохнет сено в моей рыжей башке

Не вспыхнет поле на другом бережке

Придет вода

Придет вода

Я буду спать

Придет вода.

1990

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КУЗЯ

ЧУДОТВОРНЫЕ ЛЕЧЕНИЯ ПЕЩЕРНЫМ ВОЗДУХОМ

Если ты занедужил бронхитом,
Ты спустишься в Масумман италийский
Если схватит тебя ревматизма
Посети чудо копей Германских
На Украину взгляни, -
Там в Солтвинских копиях
Бронхиальных больных
Лечат в соляных пластах
И свершается чудо благое -
Ты выходишь из сумрака камня
И свободно дышишь ты грудью
И снизились воспалительные процессы
И нормализовалась деятельность вегетативной
нервной системы
ХОРОШИЙ ЭФФЕКТ!
1984

* * *

1.
Сей рассказ мной услышан вчера
Он про то, как живет сумасшедший.
Посмотри — он похож на тебя.
Узнавайте себя в непохожем.
2.
Он живет этажом ея ниже
Кто она — в этом разницы нет
Чрез нее сие повествование

И услышано от нея оно тож.

3.

Он в каморе живет — очень грязныя

И зловонит жилище его

Он не моется часто — не нужныя

Сии деяния для него.

4.

А по виду похож он на ангела:

Большия глаза у него.

5.

Раз забрали его в сумасшедший дом.

А когда, возвратившись он -

Его камору забрал сосед

Осерчал на него сумасшедший.

6.

И прогнал сумасшедший его.

7.

А потом сей сосед сердобольныя

Выхлопотал пенсию для него

И сумасшедший обнявши его.

8.

Так живет сей человек ненормальным

И приступами разум его.

А еще у него мать-старушка езьмь

Раз в год моет сына сваго.

9.

От чего сей рассказ неказистый?

От чего он рассказан тебе?

Если обойдешься ты без подмыслия -

Что-ж! Короткия мозги твое!

25.02.84

* * *

Вложи в уста мои свой шем

И внемли — я взгорю звездою
Звездной любви к тебе святою
Прекрасной, розовой зарею
Я не згорю — я вечно греть
Тебя любовью этой буду
Где б ни была ты -
Вечно всюду
И никогда мне не сгореть!
1984

ЗА ТРАПЕЗОЮ

Мысль человеческая бдит и за трапезою.
Вкушаешь ли солоно, сладость ли пьешь за столом.
Лишь безмозгля не чуют смысла в
чревоугодничестве
Езь ли сей стих об сем?
Езь ли он об другом?
Вкусивши я на-перво пельмени зажаревшия.
Мысль запросилась в мой праведный мозг -
Езь ли сии пельмени правильныя варёныя
Или варёныя не аппетитныя уж а жарёныя вкусныя
однако.
Правильныя ли езь?
А на второе вкусив я огурчиков.
Солоны были сии
Однакож вкусныя
И подумавши — так ли вкусныя нам приятственны
аки потом
пити охота от них?
А потом я вкусил тортику
Но не доел я сего.
Так ли вкусно нам сладости, коли уж тошно с него?
А запил я всё чайком.
Вкусен чай и полезныя -

ПЕЙТЕ ЧАЙ!
1984

* * *

Что ни случится в мире -
На языке народа -
— Там Степан залился
— И жена его запилася.
Ты хоть пляши на ея
Не встанет она не сядет -
Виной — головные боли -
Сильные как Уральские пунши
А один — очень правильный малый
Не женится он — хоть тресни
Потому как жена — проститутка,
А сам он помрет онанистом,
Но не женится он на бабе,
Коя гулящая езмя!
— А народ все пьет, запивается.
— ...И лицо у него пропитое
— Упивается, запивается,
ВСЕ ПЬЮТ, ПЬЮТ, ПЬЮТ...
ВСЕ ПЬЯНИЦЫ, АЛКОГОЛИКИ,
ПЬЮТ, ПЬЮТ,
ПЕЙ, ПРОПОЙ
25.02.1984, 18 ч. 05 мин.

* * *

Что езмь поэтика души?
Раскрой сей смысл в ночной тиши.
Когда полночный легкий сон
Лежит в лесной глуши.

Ты много слов не говори
На небеса ночной поры
Сквозь сна вуаль ты посмотри.
Сквозь тонкий слой коры.
На реку взор свой обрати
Когда нет ни волны
И только мягкий лунный свет сияет в ней
Полны воды ея поэзии глади.
На дерев стройный хор смотри.
Лишь легкий шум листвы
Услышь — то теплый ветер бри
Играет. Внемли. Сны,
Окутав мягкой кисеей -
Ночной поры дитя, окутает глаза твои и растворив
в них грез игры
Погрузит в сон тебя.
25.02.84

* * *

Великия люди езмь
И живут сии на земле.
И многая они труды пишут
И думают думу гавами умными и от сего езмь
полезныя
А езмь люди — композиторы зовутся и пишут
музыки сии
И люди поют и играют сия и мелодия езмь от сего.
Я мелодику слухом вослышу
Уловлю сии звуки, воспрямну.
И тебе пропою я ея, моя дорогая краля.
И промолвишь -
«Езмь на земле мелодика душевныя и езмь оная в
сём».
1984

* * *

Моня рыгнул попой
И об пол шмяк!
Петря дурак
Петря дурак.
Моня рыгнул попой.
1978

* * *

Пойми души моей страданья
Когда она, устав от них
Уже не ищет оправдвнья
А лишь молчит, вдыхая стих.
Когда в уныньи одиноком
Печальна и темна, она
Животворящим, сладким соком
Любви и радости полна...
1984

* * *

Ея с притону взяли
И в банду приняли
— Стащи, — сказали, — злато.
Стащила у родни.
Бандиты с топорами
С ножами и граблями
С вилами, лопатами
И с синими чулками
Слонялись до зари
Она кричала — «Хей, Йо!»

Они ей вторили.
«И что с ней взять ребята?» -
Спросили раз себя.
Пропили мы то золото -
— Пропили навсегда!
И они убили ея!..
1984

* * *

Мне сегодня приснился сон -
Сон былого покоя и сладости
И забытого чувства ревности
И отмщения...
И Образы Былого прошли мягко в полуотворенные
двери.
И заглянули в душу -
А в душе было страшно -
Длинные комнаты.
Пинцетами снимите остатки человека с деревьев,
его
разорвавших.
Длинные половины.
Это месть ему.
А он остался жить.
Это только сон...
1984

* * *

А может быть я — вешалка
Простая, деревянная
И я висю на жёрдочке
В зелененьком шкапе

И солнечные зайчики
И питерские улицы
И милая рубашечка
С клопом на рукаве.
1985

* * *

Теперь я более недужен,
Чем видя ее тогда.
И, не видя, я более простужен
И чуйства жалистно болят.
Ты подошла взглянуть непонятно
И отошла ты говорить с другим
А чуйство более невнятно сейчас,
А прежде будто ясно,
А ныне непонятно и непонятней все более.
Не ищем встреч мы
И встречи не ищат нас
А может я виной тому,
Но, тогда, слишком ты горда
И не любишь меня.
1984

* * *

В цирке всё смешно
Клоуны смеются
Люди все смеются
Звери тоже смешно
Смешные звери
Больные звери
У них болят животы
Их кормят сырым мясом

И у них от этого бывают глисты.
1985

* * *

1.
Войди в заполненный автобус — людей увидишь
много
и все прихотливы и трусливы и суетливы.
Доедешь недолго и выйдешь
И войдешь и увидишь.
Множество народу туда — куда ты.
— Кто последний?
— Я крайняя.
Вставай и жди.
Долго ждать — все больны.
2.
— Я крайняя, — плешь рядом волос
Непонятно симпатичная -
— Я за вами.
— За мной мужчина в очках.
Пропал. Нудные выяснения.
Ждать!
3.
Чувство взаимопомощи.
Долгое ожидание.
Больные люди
Незапоминающиеся разговоры -
Пустые, как черепа.
Пусто!
4.
— Прием закончен.
Больным голосом — «Абсолютно здоров».
Ушел...
- 5.

Поезжай.
Чувствовать болезнь.
Ложись — надо лежать.
А может не надо?
А что еще делать?
Слабость...
1984

* * *

На улице ливень
И солнце
А я налью себе чая
Без сахара.
1985

* * *

По утрам бывают зори
А по вечерам закаты
Уходили в сине море
Славны моряки-робяты
Уходили — пропадали в синем
море-окияне
А с земли им всё махали
Сродственники, знать, славяне
И тоска болыла такая
На меня вдруг навалилась
Возвертайтесь поскорее
Дороги вы наши робяты.
29.08.85

РАССЛАБУГА (на смерть друга)

Ну едрическая сила
Ну как лап сана
Лап сана
Как ея ну хай мэ
Ея
Спуси
Хе
Я.
А...
1985

* * *

Это кто зашел в троллейбус
И качается стоит
Оглашая всё окрест
Разноцветным перегаром?
Это дяинька стоит
Он в шапке стоит.
1985

* * *

Сентиментальность разобрала
Меланхолия, вдруг, навалилась
И все больше и больше становилась слеза
А потом налилась, и за шиворот
Мне свалилась.
1985

* * *

Ослабла подпруга

Убита подруга
У лошади взяли соскоб
Прищурены глазки
Веселые сказки
Расскажет нам
Прокопий Иванович Мусоргский
1985

* * *

Солнце по небу
Как я по дождику — слаб
Милый, милый волос
Милый, милый голос.
1985

* * *

Сонцэ сёдни рано село
И от еного тоска
Сонце рано сёдни село
И от еного тоска
27.08.85

РОЗКАС

1. Вот сидел-сидел и решил — Напишу рассказ. Ну, первое — об чем? Ну это даже запросто можно решить — пока пишешь — обязательно об чем-нибудь можно написать.

Вот даже то, что сейчас пока написал — и то дело. Пока писал — всё чем-то занимался. Не скучно. И почему обязательно рассказ надо писать? Писать можно

все, что угодно, например — слова или еще чего — буквы, цифры разные — тоже дело. Вот буду писать цифры. Смотри — 2, 10, 17, 1000, 5, 748.

Ну, дальше можно. Только не хочется. И вообще ничего не хочется. Вот так-то вот!

2. А тут вот, значит, Министр приехал. Вот это да! И всё морды-то у всех, это которые с министром значит приехали, ужас! Ну морды, то еще ничего, а штаны — ну это уж вообще! Такие, знаете, широкие. И всё по-французски говорят. Ну не штаны, конечно! Ноги их, а из под штанов-то глухо звучат, и всё что-то искали. Вроде как шары какие-то. А из под штанов — бу-бу-бу, бу-бу-бу. Ни хрена не разобрать. А потом давай... А что давай, черт его знат. Да! А один все спал. Это который спал — это я был. Руку потом облежал! Вот так-то вот!

3. А один сказал: «Мои, говорит, друзья — пиджаки, мол». Мы его спросили — «как это пиджаки?» «А вот так», — говорит. А другой говорит — культуристы. Это всё вранье конечно, что одного пиджаки, а у другого культуристы. А потом всё перемешалось и ничего не понятно стало — кто куда, в общем. А одна все про кого-то рассказывала-рассказывала. А ее никто не слушал. Она по телевизору была. Ее потом громче сделали. А это не она была, а Он. Та, что говорила, ушла уже. Вон, вишь и пальто у ней модное. А потом все давай плясать. Напились, короче. Вот так-то вот!

4. Шесть лет уже прошло, а все как перед глазами стоит. Это, значит лицо ее. Харя её пёсья. Да, денечки были — закачаешься. Тепло, сухо, мягко — это я тогда в школе учился, тут недалеко. Отвратно учился — это верно, ну что уж тут поделаешь — раз неохота было. Ну вот я и говорю: «Помой мне голову, помой мне голову...» Черт знает — стихи это в общем. А эта харя-то пёсья — это даже не тогда было, а позже гораздо. И кто это был? Точно — она и была, да, шесть лет назад это было! Это же точно. Любовь, одним словом. Да шлак это всё.

Враньё. Не было этого ничего. Черт знает что написал,
прости меня, господи. Вот так-то вот!

1985

* * *

Я долго бродил по городу
И понял, что глупо так -
Бродить по темному городу
просто так
И я вернулся домой.
И долго стоял перед дверью
И прочее, так домой
И стоял, как дурак, перед дверью.

1985

* * *

Я лежала на дива
Не как то и не как та
Я лежала на диване
Тра-та-та
Ты считаешь, что она
Я считаю, весна
Это очень тепловозная зима.

1985

* * *

Я давно не плакалы
Я плакал и пелы
А потом стал слушаты
Оказывается в доме очень

Много часов и ничего не
Слышноы
И я удивился:
Сердце стучит все так-же...
1985

* * *

Я видел собаку
У нее были уши
И большие глаза
И цепочка на шее
И обрубленный хвост
И из зада торчало
Что-то очень похожее
На безысходность
И не лаяла даже
А тихо смеялась
И я засмеялся
А потом вдруг заплакал
И собака завывала
Смертельно и страшно
А потом я свернулся
Калачиком рядом
А собака подохла
И даже из зада
Перестала торчать
У нее безысходность.
1985

* * *

По стаканчику растительного масла
Дядя Федя, по стаканчику

Насыпай.
Наверное это просто
Дядя Федя, дай лимончика
Подавай.
Мы стоим и аппетитные консервы
Визуально открываем
Берегись
Я вижу, что ты просто рыба
Рыба рыба рыба рыба
Проходи.
Закусили деликатно бутербродом
Дядя Федя бутербродом из тоски
А в желудке появились микробы
Дядя Федя отчего-то
Отчего.
От того, что у тебя
Нехорошие дела
От того, что у меня
Нехорошие дела
Нехорошие дела.
1985

* * *

Погремите костями
Над могилой моей
Потопчитесь ногами
На могиле моей
Поглумитесь над прахом
На могиле моей
Задушитесь страхом
На могиле моей
Взвойте дикую песню
Над могилой моей
И булыжником тресни

По макушке своей.
И развернется сразу
Надо мною земля
И из гроба я выйду
И скажу «Это я».
Ля-ля-ля!
29.08.85

* * *

Самоискрящийся черный галун
Самоязвительный желчный солдат
Руки упрямо глядят на восток
Лепят в живот сладострастные дни
Черные губы смущенно гремят
Прячутся сны за голодной спиной
Ласково хочется хмурая прядь
Густо вафлеет соленая грудь
Я убегаю и снова бегу
Серый огонь распластался как слон
Первый февраль перепутал венцы
Плавно стреляет ядерная вошь
Главное — это понять пустоту.
13.02.87

* * *

По моим да по гладким мозгам
Языком да шершавым
Славное море священный Байкахст
Я злого дядьку не боюсь
А по утрам да по тошным мирром
Я подхожу досвидания тётя
Главное быть местом быть

И не то чтобы слить и кипеть
А ёрзать и страдать
И сопереживать
И сопливеть тихо

...

Пяли
Мур-р-р-р...
1987

КОРАН

Сон увидел Абдулла, что вода ушла.
Ушла вода под камень.
Заткни ухо, закрой рот.
Так велел товарищ У.
Сапогами в стену,
Руками в небо.
Приходи к обеду
Кушать плов,
Танцевать под радиолу
Новый танец «полли-ролли» -
Раз, два, три, четыре.
Кнопка в голове,
Выключи телевизор
И ко мне
В объятья,
Закрытые на обед с 14 до 15 часов.
1988

КУНГУР

Вот она — благодать:
Розовые очки,
Полные пены слова,

Жирные руки жизни.
Ни дать ни взять -
Ничего нема.
Хоронили вчера меня...
1988

КАРУМ

Я видел во сне дерево,
Я видел во сне свечу,
Может последнюю каплю
Я все еще не хочу.
Полные люди не ходят,
Пустые люди не спят,
«Жрать» зарифмуется со словом... -
Вот она — благодать.
В полночь откроется дверца.
В полночь закроется дверь.
Под звук похоронного сердца
Заплачет розовый зверь.
Зажмурится солнце в тарелке,
Новый наступит день,
Дождик начнется мелкий,
Застучит, басурман, по башке.
1988

КАРУМ – 2

Глина спит в тебе,
Дерево ждет в тебе.
Я наелся цветов со стен,
Я пьян от наших могил.
Большевик сказал «Нет»
Буржуй сказал «Нет»

Христос сказал «Нет».
Ты сделан из ботинок,
Ты сделан из пальто,
Ты сделан из завтрака,
Из зубной пасты «Поморин»,
Из Малова Виктора Ивановича,
Из Ивановой Марьи Ивановны,
Из воды, просочившейся ночью.
Ты сделан из телефона,
Звонящего раз в неделю.
1988

ШРАК

Собачья харя на стенке
Под ней Моны-Лизы харя
Рядом харя моя
Развеселая.
Весело мне вечером:
Зубы во рту,
Глаза на лбу,
Волосы на голове -
Я на белой стене
Моны-Лизы собачья харя
Над моей развеселой стенкой.
Вечеро мне рядом:
Зубы на лбу,
Волосы во рту,
Глаза в кулаке -
Я на белой стене,
А стена на белом Христе, мисте, пройма, лок, вост,
ейса,
ШРАК!
1988

ТРАМ-ТА-РА-РА-РА-РАМ!

— Не в коня корм, -
Кричали мне
Кормили меня жидким говном.
Чтобы мое лицо было чистым
Плевали мне в рожу кровавой слюной.
Хотели чтоб я был умным
И чистили мне мозги каждый день.
Приучали к хорошей музыке:
Играли мне похоронный марш,
А чтобы я ел только манну небесную
Выбили мне все зубы,
Но кормили меня только жидким говном
И поили меня дохлым вином.
И стал я таким же дохлым говном.
Взмахну своей сталинской головой,
Полетит она, гада, на зло врагам
Упадет на асфальт и крикнет:
«Трам-та-ра-ра-ра-рам!»
1988

* * *

Несу на ногах свою жизнь
В голове на которой шапка
В руках теплых от знака
В руках зашифровавших музыку
В кармане кожаных швов
Хлюпает жизнь в ботинках
Осторожно!
Очень осторожно!
Не перебегая дорогу на зеленый свет
Обходя бегущих ночью людей

Сторонясь дождей и грозы
Несу свою жизнь на северное кладбище.
1988

* * *

Берущему давая
Дающего давя
Хромая насекомая
Капельного дождя
Грозящего землю,
Пылящего от своего большевизма
Кончающегося сейчас
Небесного справедлива
Божащего облакова
Святцевого света
Лучезарного и глазного
Грохоча остатками дождя
Бью берущего
Давлю дающего
Хромую насекомую
Лечу от жизни
Топлю в капле.
Пылящего от большевизма дождя
Вдавливаю в страх мокрой пыли
Жду небесного справедлива
Ладонями вверх вздыхая...
1988

ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО

Черное дерево
Ржавый пирог
Красный противогаз

Желтый суп
Маринованный огурец
Жареная редиска
Кровавый женский
Муж умер! Муж умер!
По-по-по-по-по-по-по.
Та-а-а-а...
1988

* * *

Залезая на крест
Христом не грейся
Погост на урки
Мир под откос
Заткни, завесь
Зарежь и спейся
Закопай, зарой
Заляг и пой
Комузачем когдазачто
Никогданестанет этоткрестпоследним
Вспоминаяпойкричи и глохни
Караваныпсов
Железное солнце
1988

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ ДИВАН

Пролетела последняя осень
Жизнь проста как холодный пельмень.
Подскажите мне верный способ,
Как встренуть последний свой день.
Главного, может быть, стула -
Это проблема проблем

Жопа давно не уснула.
Ты все пела — это дело
Так пойдя же и поблюй!!
Где-то бежал пролежавший
Веня, ужасно уставший!!!
Громко смеялись дети,
Перднул в форточку ветер!!!
Гнили в тазу помидоры
Пока их не выпил Егоров!!!
Руки на солнце лежали,
Тени бежали по льду,
Бабушку долго искали -
Ночью вернулась она!!!
Течет по лицу яйцеклетка
Спой мне про родину, детка
Ласково солнце светило
Хоронили завтра Данилова
Коровенка вчера околет
Натер ли ты лысину мелом
Вставили в руки свечку -
Пальцы обжег парафин
Вчера говорил про утечку
Сегодня молчит, сукинсын
— Лошадь сжевали дедуня?
— Жива, дорогой наш Ильич
Лютые ветры подули
Умер железный кирпич
Буржуй промышляет всуе, а мы не идем не туда
Лютые ветры подули, унесли, любовь моя,
навсегда...
1988

* * *

Пес залаял под горой

Солнце встало под горой
Люди вышли под горой
Люди ищут под горой
Помирают под горой
И рожают под горой
Снег идет под горой
Дождь стоит под горой
Машина едет под горой
Конь свистит под горой
Дерево горит под горой
Звезда блестит под горой
Слеза сопит под горой
Сопля поет под горой
Корова пьет под горой
Одним словом: трутовище и жилище
морище и стрище
днище и воще!
1988

* * *

Упавший снизу сгорает молча
Жуки-Мозги не нужны ему
Когда приходит зрение ночью
Миром страдающий крик
Ловец крокодилов, птиц немогутный
Жуки-Мозги не нужны ему
Река вертикальная дверь открывает
Входит туда живой
Очки одевающий совесть не евший
Ему не нужны стволы
Жуки-Мозги ползают громко
Тихо поет один.
1988

Гляньте в дирочку лукаво
Сдобой рот набейте смачно
И понюхав батарейку
Вспомните про прмакашку
Застревает в промакашке
Остро перышко от ручки
Оставляет на бумажке
Дирочки лукавых взглядов
Пятку пемзою потрите
Крякните бодро и зычно
Носом воздуху вдыхните
Так, чтоб свист пошел по хате
Важно взглядом проводите
Улыбнитесь, ухмыльнувшись
И тарелочку святую
Положите лепесточек
Розы бледной закадычной
Что старушка тетя Клава
Поливала в воскресенье
И нечаянно упавши
Умерла и загорелась
Всё равно вы не поймете
Что таинственные тени,
Что блуждают по квартирам
Навевая страх и зависть
На скулящих человёнков
Это оттого, что где-то
Кто-то пишет на бумажке
Слово страшное Лумумба
Оставляя в промакашке
Дирочки лукавых взглядов.
25-28.08.89

* * *

Слепые спят с открытыми глазами
Животные, животные, животные, животные
Свищ
Рукам перебирая складки у рта
Звери, звери, звери, звери
Прыщ
Ножками суча
У горизонта, у горизонта, у горизонта
Но ровно дышат
И видят
Животных, животных, животных, животных
Зверей, зверей, зверей, зверей
У горизонта
И закрывают глаза
Чтобы проснуться.
1989

* * *

Я весь
Сверху донизу
И снизу доверху
И с боку на бок
И с лева на право
Из стороны в сторону
Пальцами параллельно ребрам
Глазами сиясь
И пять и пять
Я весь ПРУ!
1989

ФИЗИОЛОГИЯ

Физиология желтеньких тапочек
Спонтанных шапочек
Заячьих лапочек
Желтеньких карточек
Карточных домиков
Маленьких гномиков
Стареньких дедушек
Родненьких мамочек
Струганных досочек
Анатомических атласов мира
Игрушечных мышц
Искусственных легких
Пластмассовых почек
Потливых стопариков
Вонючих подмышек
Раздавленных мышек
Утопленных пальчиков
Сморщенных денежек
Сморщенных писек
Больших многоножек
Зеленых кривулечек
Волшебных палочек
Колючих иголочек
Верхних полочек
Нижних ящичков
Новогодних елочек
Померших бабушек.
1989

ГОСПОДИ, НЕ НАДЫТЬ

Старенький бабушка
Старенький дедушка
Тихо бредут по заснеженным улицам
Саночки катят

Вздыхают тяжеленько
Идут покупать собрание сочинений Канта

...

Старенький дедушка
В дверочку звонит
Смотрит на бабушку
И улыбается
Дверь открывается
— Здравствуйте
— Здравствуйте,
Вы продаете собрание сочинений Канта?

— Что вы...
— Ну как же?..
— Нет-нет, ошибаетесь.
— Разве, позвольте!..
— Накладочка вышедши!..
Мы не давали такой объявление
У нас нет собрания сочинений Канта.
1989

* * *

Ищи свищи
И если тебе повезет
То свистни в самый большой свищ
И тогда не удовлетворишься
Никогда
Соло, соло, совововово, хо, хо, хо ло ло
1989

СОЗВЕЗДИЕ ЯЙЦА

Созвездие яйца на северном небе

Над гулкой поляной кишаших советников
Рычащих понятно частотами ливней
Прошедших вчера над джунглями рек
Сливающих не сливающих не сливающих
Падаль окостеневших гиен, околевших гиен
Отравившихся мясом слона
Доисторического слона индрикотерия
Умерщвленному множеством звезд
Множеством звезд, собравшихся в стаю
В хищную стаю голодных кобелей
Голодных кобелей, ищущих суку
Одну только суку на всех кобелей
Взбесившихся в сладостных снах праведников
В кельях влачащих слюнявую веру
Радостно прячущих библию за спину при иде голых
грудастых девок, ползущих на культах отрубленных
ног,
вспоминающих резвые сильные пальцы,
оставлявших
канавки струящихся мышц в жирной грязи
деревенских околиц,
молчаливых околиц, взорвавшихся сел, бескрайних
околиц и сгнивших погостов, заброшенных улочек в
синее
море. Поднялись бабы навстречу члену, а яйца -
созвездие в северном небе.
1989

ПРО МАЛЬЧИКА, НЕВИДИМЫЙ ТРАМВАЙ

(по рельсам ходит и надвигается, как стебель)

И ВЕТОЧКУ

Я с детства мягкие рубашки уважаю
Приятны телу и теплы, как апельсин...
К.Уо.

— Не уберег, не уберег, — кричал он, — Поберегись, поберегись, — кричал, — Да кто-ж там, кто еще? — Кому там мало, так мало, что один я, как будто бы какой нарвал?

А в окна веточки опавшие печальны.

Так просто по ветру печальны — вот и всё.

Летят в окошки, голосами восьмиклассниц кричат, что умирают, мол...Да где там...

А завтра в школе мальчик, — одноклассник, отдаст последний комсомольским им салют, — вчера еще он пионером был, а сёдня уж веточки сажает, как большой. Ему неловко веточку сухую держать осемененною рукой. Глаза он прячет в пазуху малую, да выползают глаза из-под брюк. Глядят, как будто в женской раздевалке увидели припухлости каки. (Само собой понятно — есть секреты, которые нуждаются в скорейшем уничтожении путем оласки оных ближайшей статуе иль ямке небольшой.)

Слезинки оросят слепую землю. (Да, кстати (иль не кстати), но сказать, что вроде как и не земля-то вовсе. (А все ж земля с сухих газетных корок, что по весне бывают).

Ну так вот, слепую землю оросив, слезинки не воспитают жизненные силы и никогда тем веточкам-подросткам не зеленеть...

1989

РАССКАЗ

I

Приехал однажды Ершов со стройки и рассказал о шагающих экскаваторах Пришвину. Но чудеса сии, к

огорчению одного, не тронули душу второго, и они перешли на разговор о стихах первого.

— Ваши стихи мне нравятся, — сказал второй, — но мне хочется чтобы вы были свободны, как поэт.

— Как же вы представляете себе свободу поэта? — спросил первый.

Второй же так ответил на вопрос о свободе поэта:

— Пусть лежит перед нашими взорами
Целина, несвободный поэт.
Вот поэт, скудный всякими влями
Разбирает где целина а где нет.
А свободный поэт, аки птица,
Устремит свой восторженный взор
На дрофу — улетающую жрицу
Коя новый питает простор.
Поелику гнездованны чреслы земны
Абсолютно свободный пиит пишет

Именно о сих выдающихся в небе птицах. А читатель уж дело его понимает в порядке предмета и глядит в упор, понимая мастерство пиита и его великого труда!

— Я тоже так понимаю свободу пиита, — ответил Ершов, — ведь тут как? Главное ведь — поведение. Без особого поведения и пиит не пиит. В смысле отношения к таланту. Без этого, дорогой друг, не может быть свободного поэта, тут уж как ни крути, ни закручивай, тут уж как ни верти, ни заверчивай, тут уж как ни бросай, ни подбрасывай, дорогой ты мой стул-человек. Вот к примеру, приехал тут недавно один мой знакомый поэт Конякин со стройки и рассказал о чудесах навроде шагающих экскаваторов. Я хоть и не видал их никогда, а не тронули они мою душу, к сожалению, конечно,

моему (хоть и не таю греха, а к вящему). Ну и чтобы, значит, не обидеть Конякина я к его стихам перешёл.

— нравятся мне, говорю, твои стихи, — Только хочется мне, чтобы не был ты связан внешними, как говорится, материалами. Свободней, свободней надо, в смысле как поэт.

Спрашивает меня Конякин:

— Слушай, старик, а сам-то ты как свободу поэта представляешь?

Я же так ответил на его вопрос о свободе поэта:

Да лежит пред очами твоима
Целина — несравненная ширь
В отношении бедности духа
Тот поэт что взирает с высот
На невспаханность чудного суха
Это, прямо сказать, — идиот
Обоими же ты взором целинку
Угадай в ней целебную суть
И летящие дрофы и облачко, плывущее в небе.
Угадай в облачке обитель дрофы

Угадай в дрофе обитателя, потерявшего обитель, обитателя ищущего, но не обрящего и читатель в порядке предмета и глядя в упор, понимая мастерство пиита и его великого труда.

— Я тоже так понимаю свободу поэта, — ответил N. появившийся совершенно внезапно и без особого поведения в отношении таланта.

Рассказ N о шагающих экскаваторах.

Случилось мне в позапрошлом году побывать на стройке. Огромный размах строительства поразил меня, На многие сотни километров раскинулось оное. Не хватило бы мне и года, чтобы не только осмотреть, а даже описать и пятую часть предприятия. Но сильнее

всего меня поразили шагающие экскаваторы. Железные, как барханы, сливались они в один могучий необходимый каскад. Необходимые, как слитки, одиноко могучили они в железе каскада. Одинокие, как каскады, слитно барханили они железную необходимость. Могучие, как тархуны, плыли они дрофами в небе. Из заоблачных высот показались вдруг мощные, как сархан-сарханы, баркун-тархуны. Барханы дрогнули. Начиналась охота на Белемнитов, большие косяки которых входили в залив.

И замолчал.

Ершов и Пришвин с ужасом смотрели на него...

II

Случилось однажды Пришвину 31 января 1953 года вспомнить, что нашелся такой поэт, что «бросил себя и даже наплевал на себя. И бросился в чан». На следующий день он очень крепко запутался в вопросе о правде.

Через два дня неожиданно испугался трудностей связанных со смертью.

Через год — 15 января 1954 года — восхитился «играют чудесно те самые деньки хорошие», а на следующий день около половины второго ночи Михаил Михайлович помер от рака желудка в припадке сердечной недостаточности.

А ВОТ И ЗАЯВЛЕНИЕ

то есть объяснительная

Я, т. е. Константин Валентинович Рябинов, пребывая в благодатно-животворном рассудке и неумолимо-бодрой памяти (все прочее здоровьишко в последнее время^[1] так себе, конечно, но тоже ничё, грех

жаловаться, а то... совсем, знаете.... да и то... господа не обманешь, иже еси на небеси... etc уполномочиваю самое моё (самое себя) сделать это нижеследующее заявление: не помню какого числа и года (кажется два года тому назад — точно — в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году) а число, если вы уж так настаиваете, а риродой уж это таково — настаивать прямо у нас — у вас, у людей, у людей, — настаивать, настаивать! Ну настояли — я говорю, что не помню точно — числа двадцать какого-то, потому как дело шло к Новому Году — праздничку *эдакому*,^[2] знаете.

Но не в этом, однако, сущность сия. Работая в то время на заводе Электроточприбор в цехе, номера коего я не вспомню, и не настаивайте, (работая, позволю себе заметить, в качестве (случился со мной очередной общечеловеческий казус, присущий всей протяженности моего существования. Присущность же одного существовала как раз в двух аквариумах, впрочем, может, это мне только сейчас кажется, однако дело было именно в них, хотя возможно, что и в одной из надписей на обледеневшем окне троллейбуса, получившейся посредством разницы температур, и который (это уже троллейбуса касается) доставил меня на предприятие от Летова Игоря Федовича. Здесь я должен, и даже вынужден сделать еще одно заявление:

[Заявление. От сего числа, сего месяца и года тоже сего. Прошу не настаивать на том, чтобы выяснить у меня содержание надписи (какой то конкретной, конкретной надписи) на оледеневшем стекле троллейбуса (обстоятельства) описаны выше) ибо я, возможно, и уверен в том, что она была, как и множество прочих, таким же образом полученных, на множестве оледеневших зимних окон в городских троллейбусах, однако, будучи равно и почти уверенным в том, что её сейчас там уже нет, т. к. времени прошло

много, а мало ли что... всякое бывает, осмелюсь заявить, что может и не читал её вообще, но, что сейчас уже совершенно точно, — содержание или смысл сей воспроизвести не считаю возможным, ибо не помню, не помню! Подпись.]

Осмелюсь ещё раз, и да не будет это сочтено дерзостью, повториться: возможно в надписи, возможно в одном из аквариумов (а есть и более возможные ипостаси, перечисление коих не имеет никакого смысла в ном деле. Ибо это целое дело, имеющее вселенский, богоисходный смысл. Аллилуйся, Аминь. Аминь.) Присущность, сводящаяся к аквариумам же такова: На территории завода, отведенной цеху, где в вечернюю смену я должен был в тот день трудиться, находилось некое слесарное отделение, в коем и расположены были вышеозначенные резервуары. Считаю долгом заметить, что работал я не только в вечернюю смену, но и в дневную, а также иногда наряду и в ночную. Замечаю также по поводу надписи на окне троллейбуса — сия была сделана не мной, а то вдруг кто подумает, что мной, так вот нет, не мной. Тут я подряд даже замечаю, т. е. делаю замечания по поводу вышеописанного: 1) Если вы так настаиваете на том, чтобы я назвал номер цеха, так вот номер — 14. Пожалуйста! Я вспомнил. Отродье и исчадьё вы! Там я написал, что, мол, «у вас, у нас, мол, у людей», так вот нет — у вас, у вас, т. е. у людей. У ВАС, У ВАС!

Далее — дело было совсем и не в аквариумах никаких, а про надпись я вообще придумал только что. Не было никакой надписи. Я точно и не знаю и не помню, ехал ли я в троллейбусе, может, вообще в автобусе ехал. И в автобусе надписей на окнах и не было не было! Да даже если бы и были дело совсем не в них, это все придумано было сейчас же. Еще раз заявление: [Заявление: Прошу не настаивать на выяснении у меня номера автобуса, троллейбуса и пр.

транспортных средств, на коих я ехал в тот день (см. выше). Подпись.] Я продолжаю: В вышеописанной, вышеозначенной и час от часу становящейся все более пресловутой, как и все сущее вообще, так называемой слесарной имели место (простите за избитость, а впрочем и не прощайте — сие не достойно прощения — а то уж совсем... Пусть буду я знать, говнюк, совсем уже!..) быть аквариумы, тиски, столы, за которыми сидела люди. Вошед, я увидел там знакомого. Оный был (и есть [может, однако, и ни к чему]) некто Паша Южаков (впоследствии лицо в этом деле хоть и не последнее но, честное слово, совершенно недостойное упоминания в дальнейшем моем богизбранном повествовании, имеющее, однако (лицо), для чересчур любопытного читателя телефонный номер 64-86-06). Все они и, как говорится, в том числе по поводу праздничка тайным образом — по причине преследования сих фактов — потребляли спирт, доставаемый способами в том же предприятии, и имеющий другое предназначение, не умоляющее однако его скоропостижных и весьма благополучных качеств. Впоследствии время прошло и сии ушед, за исключением Паши, который вкупе с вашим непокорным, я бы заметил, и вовсе никаким не слугой, а все вы свиньи и мясы! составлял ту немногочисленную вечернюю смену, коей предстояло приступить к тупой, пыльной, вонючей, собачей работе, заключающейся в случае просверливания дырок для приборов (вот тоска-то) в платах (ну это уж смерть просто! тут и тоска то просто «аллиллуйся!» в нынешнем сравнении!) Я не замедлил сделаться пьян, ибо действие возымелось в несколько ином масштабе выгодно, впрочем, отличающемся в гораздо рьяную сторону, чем первоначально мной предполагалось. В этом месте моего повествования я хотел зачем-то снова упомянуть несчастные аквариумы (не упоминал я до сих пор, не

упоминал и не выявлял даже намёком, в чем каюсь явно, сущих в сих резервуарах рыб, бытовавших в нешибок больших количествах и, насколько я понимаю оных, расценивая сих, возможно и неправо, по яркости окраски и кажущейся экзотичности, довольно не смелых качествах), но вспомнил, что обо всем этом и иже и выше уже неоднократно упоминал и большинством в явной тщете, да забыл про одну штуку, подразумевая которую я и начал сие, как мне уже начинает казаться, если можно эпитет не удобомысленный заменить на эпитет ассоциативно передающий цветность, то уж желтеющее нехорошо, так знаете, как бывает со древними бумагами сими, повествование. Не в том смысле, что древнее нечто в смысле сем, однако передающее физически, так сказать, осязательно настроение сие, возможно, возникающее. Самое-то главное и, безо всяческих ненужных, пожалуй, предисловий, заключается в том, что, может кому-то сие и покажется непонятным, но, ей-богу объяснять смысл сего абсолютно ни к чему по причине нудности и житейскости сего, предмет, про который единственно, что стоит намекнуть это бумажность и даже некоторая картонажность, был действительно утоплен мной, идучи домой в четвертом или пятом часу по полуночи, (однако тоже не настаиваю на этом) в прибрежных речных водах, не застывающих по причине близкого расположения т. н. говнотечки. Не могу не позволить себе вспомнить и заметить по поводу так называемых говнотечек, столь обильно расположенных на протяжении всех набережной достославного нашего города. Точно вот в такой, пресловуто по поводу некоего факта изложенного выше упомянутой, говнотечке давненько уже имел место прескорбнейший факт, изложением которого почтеннейший читатель да не тяготится в моментальный период по вине автора сего. Точно вот в

такой говнотечке давненько уже потонул мой сосед (с позволения сказать суседство — вещь суть в наше всеобщее время, — тут бы подошло слово «прободение», ну да ладно и так.) Юра — мальчик от рождения ненормальный, суть недоразвитый органически, т. е. в том, что имел несоразмерно с прочим туловом голову большую, черты лица анатомически с точки зрения недостойные и обилие соплей цветом преимущественно зеленого из ноздрей, выражение лица обычно досадно-обиженное, совершенно, впрочем, справедливо, ибо сие езьм физиогномически всеобъемлющее состояние всяческих несомненных лиц, что, однако, (это к тому, что, мол, сопли и пр.) не сказывалось на определенном рода симпатии к оному субъекту, которого один раз даже дети со зла накормили зажаренными ими в спичечном коробке кузнечиками. Будучи малым возрастно, а посему и умственно, я тоже был занят в тот час поимкой вышеозначенных насекомых, однако в богомерзком акте кормления кузнечиками ("зажаревшия") Юры Бернгардт (а именно оной фамилии сих имел) не участвовал, а как бы мельком это наблюдал в непосредственной, однако, близости и отвращения богопротивно не испытывал, а напротив (по причине младости лет), вдруг почувствовал (да даже и сей момент чувствую), что эта пища не так уж и гадка, как казалось глупым детям, и сейчас даже думаю и убеждаюсь всё более, что и сами они потом тайком озажаривали и жрали этих кузнечиков. [3]

После этого случая прошло немного времени, когда Юра потонул в говнотечке, потому что любил купаться там, где тепло. Рассказывали, будто Юру в воду позвал какой-то дяденька. Юра туда пошёл и потонул. Это место, где он потонул, называют говнотечками, т. к. там осуществляется слив нечистых вод в реку по бетонным

широким желобам. Кажется, что чужие человеческие говны катятся в реку по широким бетонным желобам, подгоняемые текущими водами, журчащими в своем соответствии. Но сколько я ни вглядывался в суть мелких водопадков говнотечек, я никогда не замечал, чтобы чужие человечески говны весело катились в воду реки, подгоняемые водопадами городских говнотечек. Но что за напасть! Стоило мне пойти с того места прочь как я мысленно, отчётливо почти видел, как тугие человеческие говны резво катятся, влекомые мельчайшими негрустными водопадами по бетонным руслам говнотечек, столь шумно расположенных на протяжении всей городской т. н. бетонки, так прочно оберегавшей берега от затопления.

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

вреemia

2

— многомысленно!.. Многозначительность есть свойство здешнего существования, хотел я сказать, и скажу — в этом измерении.

3

Должен заметить, что кузнечики, подаваемые детьми Юре, были по цвету красные, т. е. изнутри как бы высвечивались, как угольки и на вид весьма аппетитныя.